

Иван Фабер

Научите своих детей

Иван Фабер
Научите своих детей

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Фабер И.

Научите своих детей / И. Фабер — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Вопрос справедливости крайне субъективен и индивидуален, не так ли? Однако герой, запечатлённый в данной истории, думает совершенно иначе - для детектива Поулсона вопрос справедливости стоит на первом месте и в приоритете, конечно же, лишь его убеждения. Томас слишком рано столкнулся с проявлением жестокости человеческой природы и слишком поздно понял то, что даже за самым оправданным решением могут быть неисправимые последствия. Содержит нецензурную брань.

© Фабер И., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Часть 1

Глава 1

Опустошённый отсутствием движения дом прояснялся рассветом. Кое-где, сквозь ненавешенные края окон пробивалось солнце. Для некоторых обитателей данной комбинации помещений рассеивание темноты означало лишь одно – начало нового дня.

Какой должна быть реакция хозяина, когда собачий лай и неистовые звуки, кои являются результатом их бурной деятельности, заставляют его разомкнуть веки, ведь сон уже ушёл. Если б он не был знаком со своими питомцами, сначала проследовала попытка их успокоить, разъединить друг от друга, дабы хоть как-то продлить себе тот покой, что был прерван. Увы и ах, данный алгоритм действий уже давно изжил себя, и никакого другого выхода у хозяина не оставалось, кроме как подняться с глубокой постели.

Человек сел на край кровати, растирая заросшее щетиной лицо, как будто бы избавляясь от остатков сна. Цифровые часы, что стояли на табурете справа от кровати, показывали шесть часов утра. Взглянув на них, человек окончательно поднялся на ноги, растворяясь в темноте комнаты.

Он прошел сквозь коридор и свернул налево во вторую дверь. Движением руки включив свет, человек столкнулся с собственным отражением в грязном, заляпанном зеркале. Перед ним, опёршись одной рукой на раковину, другой на стену у зеркала, стоял хмурый, тридцатилетний мужчина. Он видел перед собой небритое уже около трёх недель лицо, глубокие зелёные глаза, отдающие красным раздражением, над ними густые брови, средней длины тёмные волосы, которые местами выются.

Человек долго рассматривал собственный вид, по всей видимости, несколько удивляясь ему, затем неоднократно умылся, провёл необходимые манипуляции с зубной щеткой, и, раздевшись, залез в душевую кабину.

Принимал душ он крайне пассивно – вся процедура состояла в попеременной смене температуры воды – сначала очень холодная, затем предельно горячая. Однако сам человек, нисколько не реагируя на изменения, стоял как вкопанный.

После двадцати минут контрастного душа он вышел из кабинки, обмотал себя длинным полотенцем, что висело на трубах, и уже было хотел выйти из ванной комнаты, как ещё раз пересёкся с собственным отражением. Мгновенно среагировав, человек подошел к раковине, достал пену для бритья, нанес её и несколькими движениями опасной бритвы быстро, словно цирюльник, лишил себя лишней растительности на лице. Умывшись и взглянув на обновлённые черты в зеркале, мужчина вышел из ванной. Лай затих.

Коридор из ванной комнаты вел из спальни к кухне, сведённой с широким залом. Однако человек предпочел вернуться в спальню. Напротив кровати, у дальней стены находился шкаф с беспорядочно уложенными вещами. Человек лихорадочно, ускоряясь в темпе стал искать что-то среди одежды на самой верхней полке. Затем он резко остановился, видимо найдя, что было нужно. На ощупь он был доволен находкой, но из-за темноты в комнате все ещё не понимал, то ли он нашёл. Разглядывая какую-то веревку, он все-таки решился включить свет. Это оказался старый погрызанный кожаный поводок. Но человек вдруг швырнул его на пол, в угол, и продолжил копошиться в вещах. Через минуту, судя по его лёгкой улыбке, нащупав то, что нужно, он вынул из кучи вещей другой поводок, намного толще и грубее прежнего. Осмотрев предмет, не найдя на нём изъянов, человек кинул его на кровать, после чего начал одеваться. Натянув на себя неброские джинсы и рваную местами рубашку, мужчина зацепил рукой поводок и вышел из комнаты.

По пути к прихожей, в конце коридора, прямо перед комнатой человек запнулся о свой слюнявый, погрызанный тапочек. Подобрал его, мужчина прошёл ещё несколько шагов и нашёл его пару, рядом с которой, на боку, лежала красивая сука белого бультерьера.

– Доброе утро. – Он угрюмо поприветствовал свою собаку.

Не дожидаясь ответа, он потрепал суку за бок. Та, сразу приободрившись от касаний хозяина, пробежала через зал к выходу из дома.

Человек, проводив её взглядом, направился сквозь темноту к камину, у которого на светлом коврикe находилось другое, черно-белое существо. Заметив приближающуюся фигуру хозяина, пёс тихо заскулил.

– Неужели ты думал я поверю в то, что Ты грызла мои тапки? – спросил мужчина и шлёпнул парой сланцев своего второго бультерьера. Пёс заскулил ещё сильнее. – Идём.

Человек застегнул на железном ошейнике собаки поводок и повёл питомца к выходу из дома. Перед самой дверью хозяин снял с крючка кожаную куртку и надел на себя.

Этого человека зовут Том, Томас Пуулсон. Ему тридцать лет. Родился он в пятьдесят девятом году, на севере Канады.

В это тёплое утро, а на календаре было четырнадцатое сентября, Том впервые за месяц так рано вышел из дома. Последние две недели он регулярно приходил домой пьяный, оставляя входную дверь открытой, дабы собаки сами могли выгулять себя. Все дело в наступлении не то чтобы долгожданного, но весьма подходящего, наконец-таки официального отпуска.

Томас – полицейский, а точнее детектив. Вся его роль, как он бы сам рассказал, состояла в выявлении последовательности преступления, нахождении улик, поимке нарушивших закон и выяснение их мотивов. Но на самом деле, этот человек занимался куда большим объёмом работы. Может быть я тороплюсь, и, пожалуй, стоит рассказать о детстве этого парня, чтобы вы поняли, какой путь выбрал этот человек, или хотя бы попытались понять.

Как было сказано, Том родился в шестидесятых, на северо-западе Канады, где-то в Юконе. Томас был единственным, ребёнком в семье, но семьи, как таковой, у него не было. Отца мальчик никогда не видел, и тем более не знал, мать же, Офелия Пуулсон, девушка со славянскими корнями, сидела на наркотиках. По существу, её сын все детство был предоставлен сам себе. До пяти лет мать пыталась заниматься Томом, пускай и не так успешно, но хоть как-то, пока над ней не взяли верх вещества, из-за которых, через год, она покинула своего сына навсегда.

Они жили в небольшом, практически пустом домике, на окраине городка Уайтхорс, в грязном районе, где было отвратительно находиться любому уважающему себя человеку. Контигент населения этих кварталов составляли наркоманы, проститутки, разного рода фрики, хулиганьё и так далее. Даже люди пролетариата старались избегать нахождения здесь. Том не знал, кем работала его мать, но, став взрослым, он начал догадывался, хотя и с отвращением, что молодость, не дав ей никакого шанса на образование и нормальную жизнь, заставила девушку терпеть разных ублюдков, желающих за пятнадцать долларов или шприц разведённого мака отодрать её в туалете ближайшего бара или на переднем сидении своего авто. Другого объяснения тому, откуда она находила деньги и наркоту, Том дать не мог. Мальчик изо дня в день оставался один, в то время как мать уходила вечерами и приходила днём, а то и вовсе не возвращалась больше суток. Но, надо заметить, что Офелия действительно старалась уделять сыну время. Томас вовремя научился ходить, разговаривать и читать. Как ни странно, он помнил усердие матери, с которым она учила его первым шагам, буквам и звукам, затем чтению по слогам. Но где-то лет с четырех, когда у матери было плохое настроение, причиной чего являлись, видимо, проблемы с деньгами или наркотой, мальчик старался не высовываться из своего уголка, куда он притаскивал и хранил все купленные Офелией детские книжки и игрушки, так как в эти моменты мать будто теряла голову. Попадаясь тогда ей на глаза, мальчик несомненно

испытывал на себе всю жестокость и низость существа, беглым взглядом желающего увидеть лишь заветную дозу, что на время избавит бедную наркоманку от начинающегося дерилия. И это чувство несправедливой обиды, не смотря на столь юный возраст, Том сохранил где-то глубоко в душе. Он был очень хорошо знаком с ним, но никогда бы не хотел его знать.

И вот, уже в сознательном возрасте, с четырёх-пяти лет, когда единственным его увлечением были мелкие книжки с легко читаемым шрифтом и незамысловатыми фразами, для детей, Том изо дня в день оставался наедине с собой. Кушал он один раз в день, потому что Офелия практически не появлялась в доме, лишь единожды заскакивая оставить своему сыну обед или завтрак. Засыпал Том всегда один. С каждым днём настроение матери, а впрочем и её душевное состояние ухудшалось, что приводило к постоянным беспочвенным истерикам, целому комплексу отрицательных эмоций, которые выливались, естественно, на ребёнка. Том очень хорошо помнил спонтанные избиения Офелией, когда она приходила домой только лишь для того, чтобы сделать сыну больно. После этого она всегда запиралась в ванной, очень громко что-то выкрикивала, постоянно разбивала, а затем покупала новые зеркала, висящие над умывальником. А в это время маленький мальчик сидел под кроватью и разглядывал разводы от собственных слёз на грязном, пыльном полу.

Ветхий одноэтажный дом семьи Поулсон состоял из соединённой кухни с залом, и двух спальных комнаток, одна из которых была детской, что находилась в самом дальнем углу дома. Другая же комната была комната матери, ближайшая к выходу, куда Офелия часто приводила своих клиентов и коллег по цеху. Ежегодно, понимание ответственности на матери Тома уменьшалось, вплоть до того, что она попросту забыла о собственном сыне, полностью окунувшись в наркоманию. От чего она только не зависела. И Том наблюдал всё это. Он видел жестокость людей, видел их дикими, страшными, злыми, и просто-напросто запирался у себя в комнате, а если предоставлялась возможность, убегал из дома.

Когда становилось совсем скучно, Том выходил на мрачный, серый переулок. Мальчик любил играть с бездомными котятками, и часто таскал их домой, пока матери не было. Он любил играть с ними, ухаживать за их шерсткой, мыть их, гладить расчёской. Тому нравилось, как мурлычат котята, и, заметив, что эти звуки – реакция кошки на приятные ощущения, старался делать животным хорошо. Он делился с ними своим завтраком, потому что, в какой-то степени, может привыкнув, перестал ощущать чувство голода, и считал долгом накормить своих маленьких друзей. Наблюдая за ними, он был по-детски счастлив, не ругал их, если они гадили, пытался за ними убираться, так как знал, что кошки должны ходить только в одно место. Но в один день, наверное, один из самых врезавшихся в память ребёнка дней, к Тому в дом явилась мать с другой проституткой, что привела двух, возможно, клиентов. Мальчик, услышав звук ключа в замке, стал поспешно прятать котят под одеяло собственной кровати, с надеждой на то, что в его комнату никто не войдет. Тихо притаившись около закрытой двери, он стал слушать разговоры взрослых. Том слышал растянутые, плохо выговаривающие некоторые слова голоса мужчин, отвратительно смеющуюся шлюху, и только от матери не было слышно ни единого звука.

– Где он? – Спросил первый грубый голос. Послышался смех проститутки, но, видимо, не дождавшись ответа, голос сказал: – Мне повторить ещё раз?

Через мгновение послышался, как оказалось, удар пощёчины.

– У неё есть сын, – проехидничала шлюха.

– Нет, не трогайте его! – Это уже кричала мать.

– Сидеть. – Послышался злобный, но спокойный, уверенный голос другого мужчины.

Затем шли звуки возни, борьбы, визги матери и другой женщины. Через минуту все утихло, но вдруг разразился смех, и одновременно с ним кто-то затопал ногами к комнате мальчика. Испугавшись, Том отлетел от двери к кровати.

Дверь распахнулась. Перед мальчиком предстал огромный, лысый и одновременно бородатый мужчина, с большим животом. Глаза у него страшно горели, на отвратительной морде сквозь заросли щетины просматривался грубый оскал. Одетый в широкие чёрные штаны, на ногах – сапоги, туловище же его пряталось за тёмного цвета футболкой с оборванными рукавами, над которой – кожаный жилет. Руки мужчины, толстые и волосатые, были покрыты татуировками: женщинами, ножами, черепами.

Проникнув в плохо освещённую детскую, человек сначала оглянулся по сторонам, прежде чем заметил Томаса.

– А вот и мальчишка, – мерзким голосом прошептал гость.

Громко стуча сапогами по полу, он преодолел расстояние от двери до кровати и вплотную приблизился к Тому, который сидел на краю кровати, сместив котят под одеялом у себя за спиной.

– Иди сюда, паршивец.

Мужчина схватил ребёнка за тёмные волосы и сильно одёрнул его, что тот упал с кровати. Затем, приподняв мальчика за воротник рубашки, потащил из комнаты в зал. Том терпел. Выйдя из коридора в помещение, человек бросил мальчика к дивану, прямо у ног матери. Та, залившаяся слезами, с ссадинами на лице, схватила Тома и крепко обняла, разрыдавшись ещё сильнее и громче. Томас оглянулся по сторонам: рядом с матерью сидела страшная женщина, всем своим недружелюбным видом указывающая на черноту собственной души. Она покуривала, время от времени взглядывая то на мальчика, то на Офелию, то на другого персонажа, о присутствии которого Томас забыл – у занавешенного окна, в тёмном углу зала, сидел одетый в подобие делового костюма мужчина. Стилистика его вещей была приобретена вследствие диффузии классической, офисной моды и культуры байкеров. Худое, дряблое лицо, глубоко посаженные глаза, не длинные, но и далеко не короткие поседевшие волосы разделяли его темя, свисая по обе стороны открытого, морщинистого лба. Ему было около сорока пяти-пятидесяти лет. Мужчина выглядел очень опрятно и чисто, в противовес толстяку, по-видимому, работавшему на него.

– Что мы будем делать, Офи? – Спросил тот же самый голос, который приказал матери сидеть. – Мы в любой момент можем лишиться тебя сына, ты ведь это понимаешь.

– Я знаю, знаю... – Сквозь слезы прошептала мать. – Я верну всё!

Том ничего не понимал, кроме одного – им грозит опасность. Но он настолько привык терпеть неадекватную мать, что в данной ситуации был более чем спокоен. Кстати, он практически не обнимал Офелию, лишь символично взяв её за руки, когда она вцепилась в него после освобождения от рук толстяка.

– Что значит вернёшь? – От злости старик привстал с кресла. – Я не верю в то, что ты успела всё потратить!

– У меня ничего сейчас нет, я же сказала почему.. – Мать всхлипывала через каждое слово.

– Обыщи дом! – приказал старик своему амбалу.

Толстяк начал переворачивать всё вверх дном. Хотя, по сути, дом был пуст, но в то же что-либо спрятать в нём среди разного мусора и тряпок было возможно. Байкер рылся везде – в кухонных шкафах и на полках в зале, рвал подушки на диванах и креслах, шарил по стенам. Когда он начал переворачивать кровать в комнате матери, Тома охватил страх – он испугался за котят.

Ничего не найдя, байкер вернулся к своему хозяину и попросту развёл руками.

– А в его комнате? – Старик указал на мальчика.

В этот момент Том почувствовал, как мать дрогнула.

– Сейчас. – Угрюмо ответил байкер и скрылся в коридоре.

Как только он потерялся из виду, Том вырвался из рук матери и побежал за толстяком. Однако человек, что сидел в углу комнаты, в одно мгновение догнал шестилетнего ребёнка и сильно схватил его за шею. Офелия, только осознав, что сын вырвался из рук, вскочила за ним, однако женщина, сидящая около, подскочила и пощёчиной вернула её обратно на место.

– Сиди, – грозно сказала она.

Молча вжавшись в диван, мать наблюдала за кряхтевшим, извивающимся от боли Томом, а человек в костюме ровно стоял и смотрел в сторону коридора, ожидая своего наёмника.

– Оставь его, прошу!

Мужчина, отвлекшись от коридора, развернулся в пол-оборота и посмотрел краем глаза сначала на Офелию, затем на узника собственной руки.

– Заткни свой поганый рот и не притворяйся, будто бы он волнует тебя и когда-либо волновал!

Через несколько толстяк вышел из комнаты Тома, держа что-то наподобие шкатулки, футляра черного цвета. Томас мельком посмотрел на него – лысый с издёвкой улыбнулся, заметив взгляд мальчика на себе, затем подошел к старику и, раскрыв, передал ему находку. Его хозяин, рассмотрев внутреннюю полость коробки, кивнул своему рабочему и отшвырнул Тома обратно к матери:

– Тут не всё, но лишь ради твоего блага. За оставшейся частью мы вернёмся в понедельник.

Офелия кивнула, схватив сына на руки и сильно прижав к себе.

Чужие люди ушли. Мать долго держала сына на руках, покачиваясь из стороны в сторону. Том очень давно не видел её такой живой. Лишь через минут двадцать-тридцать она отпустила мальчика. Том смотрел на неё заворожённо, а затем спросил:

– Кто это был?

Офелия, вытирая щёки от солёной воды, сначала молчала, не решаясь что-либо сказать, но, призадумавшись над ответом, лишь выдавила из себя:

– Это плохие люди, Томас. Но не такие плохие как твоя мама.

В этот момент Офелия в очередной раз разрыдалась, схватив мальчика.

– Как же я тебя люблю, мой маленький.

Том видел её сейчас такой незащищённой и такой красивой – худая, светловолосая, с большими сверкающими от слёз глазами. Он не помнил, когда в последний раз мать говорила ему о своей любви, когда она так нежно обнимала его. И маленький человечек не мог понять, что происходит – кто эти люди, что сделала мама, что её били прямо дома, почему именно эта ситуация пробудила в матери такую нежность, и почему она никогда не была с ним такой доброй.

Внезапно Тома разразила невероятного масштаба обида, что он оттолкнул мать от себя, гневно взирая на неё, сидящую рядом, на полу, всю в слезах, недоумевающую от поступка сына:

– Мальчик мой, что случилось? – Разводы туши делили её щёки на несколько частей.

Том не мог объяснить себе до сих пор, почему именно он тогда оттолкнул её. Какая мысль в его голове заставила ребёнка отторгнуть единственного близкого человека в его маленькой вселенной?

Он помнил, как отвернулся от неё и побежал к себе в комнату. И следующий момент Том не забудет никогда.

Он увидел на собственной кровати удушенными всех котят, что он спрятал. Бездыханные тельца лежали не двигаясь, будто застывшие. Томас очень хорошо помнил это знакомство, первое знакомство со смертью. Прежде он и не подозревал о том, что любую жизнь можно прервать, однако прикоснувшись к быстро охладевшим телам маленьких питомцев осознал, что и это возможно. Когда Томас прокручивал в последующие моменты это воспоминание, он отчётливо помнил, что боялся того, как мать или тот толстяк начнут бить котят, делать им

больно, но о возможности принудительного завершения их жизни он и не мог задуматься. И в то мгновение мальчик стоял над кроватью с лежащими на ней мёртвыми котятами, на секунду пустив слезу, он впервые почувствовал ненависть. Слезы тут же пропали, и появилась чистой воды ненависть, желание причинить аналогичную боль и страдания тем, кто этого заслуживает, тем, кто творит такое же зло, безнаказанно рассуждая о том, что им ничего за это не будет. Он не мог перебить эту ненависть слезами, как делают обычные дети. Впервые Томас почувствовал чужую боль, так рано перестав быть ребёнком.

Самым странным Том считал то, что в тот момент, будучи маленьким человечком, он не задумался о причине смерти котят, почему они были убиты. В тот миг он осознал, что человеческая жестокость есть спонтанное, немотивированное чем-либо явление, присущее абсолютно всем, кроме него самого.

Тишину прервала мать, негромко постучав в дверь.

– Можно? – тихо спросила она.

Не дождавшись ответа, Офелия вошла в комнату. Мальчик молча стоял напротив кровати.

– Господи, – прокомментировала увиденное мать и завернула котят в покрывало, на котором они лежали.

Она обволокла собой заморожённого мальчика, затем взяла ладонями его щёки и направила взгляд Тома в собственные, глубокие зелёные глаза.

– Послушай меня, милый, – она нервно шептала, боясь заплакать в очередной раз. – Твоя мама сделала очень много плохих и злых вещей, за которые она всю жизнь будет расплачиваться. В этом нет ничего страшного, таков этот мир – ты делаешь зло и оно к тебе возвращается. Я не хочу чтобы ты повторял все мои ошибки, я не хочу чтобы ты рос так. – Она крепко обняла Томаса. – Сегодня я позвоню дяде Роме, и ты поедешь отдыхать к нему. А мама в это время будет работать, пытаться сделать твою жизнь лучше и лучше, – она опять начала плакать, время от времени пряча глаза в разные стороны. – Пообещай мне, что будешь хорошим мальчиком, что не будешь делать злые вещи, не будешь причинять другим боль.

Последнее её предложение сопровождалось временным потряхиванием сына, дабы привести его злое состояние в нормальное чувство.

– Обещаю, – сказал Том еле слышно.

– Вот и хорошо, мой маленький. – Офелия еще раз крепко стиснула сына. – А котят нужно похоронить.

– Что значит.. похоронить? – повторил Том.

– Когда кто-либо умирает, его принято хоронить – дать душе слиться с землёй, а над похороненным воздвигнуть памятник или надгробие – для того, чтобы близкие погибшему люди могли приходить и скорбеть, то есть вспоминать и оплакивать умершего. Держи и идём за мной.

Томас вытянул руки и Офелия положила на них завернутых в покрывало котят. Мать вышла из комнаты и направилась в чулан. Том проследовал за ней. Она достала из ветхого тёмного помещения лишь лопату.

– Похороним их на заднем дворе.

Том прошёл, держа на руках усопших, к другому выходу, что вёл к оставшейся части участка их дома. Территория была огорожена сначала ржавым забором в сетку, а за ним – колючим кустарником. Дом находился рядом с одним из оттоков местной реки, и соседских домов за ним, ближе к берегу, не было.

Задний двор их был пуст, за исключением старой сломанной качели, на которой Том никогда не катался, и молодого клёна, странным образом растущего именно вверх, не раскидывая ветви по сторонам.

– Думаю, под деревом им будет, где успокоиться, – сказала мать, сняла свитер и начала копать. – А ты, чтоб не терять времени попусту, считай, сколько раз я капну землю.

Это занятие отвлекло Тома от притянутых к смерти мыслей, и он начал считать, сколько раз мать коснулась земной поверхности лопатой.

Когда мать закончила, Томас проговорил:

– 24 лопаты.

– Молодец. Клади их в ямку.

Том аккуратно положил покрывало в выкопанное место и отошёл. Офелия взялась за лопату. Как только она прикоснулась, Том заметил её слезящиеся глаза.

– Раз... Два... Три... – Каждую лопату мать пересчитывала дрожащим голосом.

Мальчик не вытерпел и убежал в дом.

Глава 2

После того самого дня жизнь Томаса резко поменялась. Представьте себе, что может испытывать ребёнок после одновременного, столь близкого знакомства с настоящим страхом, человеческим злом и смертью? Ваши представления могут быть склонны к появлению паники у ребёнка при малейшем намёке на подобие пережитого, детском страхе, заикленности, но уверяю вас, тот день изменил жизнь Томаса в совершенно другом направлении.

В этот же день, Офелия позвонила своему брату, Роману Бёртреду, рассказала ему обо всём происходящем, дабы он помог ей или хотя бы забрал племянника на некоторое время. Роман, грозный и вспыльчивый человек, мгновенно отказал ей в этой самой помощи, но согласился забрать мальчика, с которым виделся всего лишь два раза в жизни – на момент рождения мальчика, и на один из рождественских выходных, когда Тому было три года. В тот момент Роман был в Канаде по собственным делам, и решил заехать в Уайтхорс, в котором он вместе с двоюродной сестрой вырос.

Роман не знал, как обстоят дела у его сестры на протяжении всей жизни, и никогда не стремился интересоваться, ибо образ её жизни всё время смущал его, и узнав, где она поселилась с сыном, сказал ей лишь одно, после чего перестал вообще звонить или писать: «Если мальчику понадобится помощь – сообщи».

В следующую ночь Томас плохо спал, несколько раз просыпался ото всякого шума, который, по словам успокаивающей его матери, являлся лишь частью его сна. Полное тоски сознание ребёнка с трудом сопротивлялось переживаниям, и с того самого момента Том вообще потерял шансы на здоровый сон. Всю сознательную жизнь он вспоминал, что с того времени не было ни единой ночи, где он мог со всей полнотой насладиться отдыхом от моментов пережитого. И та ночь являлась самой мучительной.

Мать осталась дома, и, несколько раз проверив комнату сына, перешла к нему, чтобы быть рядом. Мальчик постоянно отталкивал одеяло, не в силах терпеть напавший на него жар. Несколько раз он просыпался и вжимался всей силой в мать. Тогда Офелия давала ему отпить негорячего чая с мёдом, и на час-полтора мальчик засыпал. Это недолго действовало, и через равные промежутки Том снова начинал вертеться из стороны в сторону, убегая во сне от собственных страхов, и в конечном итоге, просыпался в поту.

Под утро, когда осенний ветер дал о себе знать, завывая в сквозняках дома, температура мальчика спала, и мать решила оставить Томаса одного, чтобы отлучиться приготовить завтрак. На часах было около семи утра.

Войдя в помещение кухни, Офелия вспомнила, что на данный момент приготовить что-либо покушать не было продуктов, и тогда пошарив в собственных вещах и найдя пару десятков долларов, переделалась, чтобы добраться до ближайшего магазина. Перед самым выходом, когда Офелия надевала сапоги, в дверь постучали.

Девушка вздрогнула.

Она поднялась напротив двери и нерешительно взялась за вставленный в замочную скважину ключ. Через некоторое мгновение в дверь еще раз постучались, грубый мужской голос сопровождал этот стук:

– Офелия, открывай.

Узнав в нём интонацию брата, девушка сразу же лихорадочно повернула ключ и отворила перед Романом дверь.

Перед ней стоял среднего роста, с широкими плечами мужчина. В некоторой степени он напоминал итальянца – густые черные короткие волосы, большой нос, смуглая кожа, множество морщин на угрюмом лице.

– Рома! – вскрикнула Офелия и тотчас заткнула рот руками. В порыве радости она чуть было не накинулась на брата, но что-то её остановило. Она замельтешила, сразу начав поправлять собственный вид, укладывая и выпрямлять русые волосы, протирать глаза, оттряхивать одежду. – Прости, я не ожидала так быстро...

– Я понимаю, – сказал брат.

Он был одет как бродяга – старая потертая кожанка, широкие штаны, держащиеся на поясе лишь благодаря толстому ремню, огромные сапоги подобно тем, что носят лесорубы.

– Можно войти? – спросил Роман ошеломлённую сестрицу, которая, онемев, так и стояла бы на пороге.

– Да, конечно, заходи.

Она открыла перед ним проход, и как только Роман вошёл, обогнала ему, не давая полностью рассмотреть весь «интерьер».

– Слушай, у меня тут слегка не прибрано...

– Где мальчик? – Роман игнорировал объяснения сестры.

– Ну, он спит у себя, – ответила Офелия, потирая шею и дурно улыбаясь.

Роман обошёл сестру и стал расхаживать по дому, заглядывая туда, куда не попадал свет. На всё он смотрел надменно, с презрением. Офелия понимала, что его приезд будет сопровождён недовольством и ворчанием.

Зайдя на кухню и не найдя чего-либо съедобного, брат посмотрел на сестру, и, не увидев в ней ничего, кроме дурацкой улыбки ребёнка, которого застали врасплох, направился к коридору, ведущему в детскую комнату. Офелия прошла за ним.

Слегка приоткрыв дверь, она показала Роману комнату Тома, где он увидел кровать племянника и впервые, живо, улыбнулся. Надо бы сказать, что этот человек очень редко улыбался, но эта улыбка стоила немало, так как по-настоящему его мало что радовало.

Немного поглядев, Роман взял за руку сестру и её же рукой закрыл дверь:

– Ты куда-то собиралась? – спросил он, заметив, что сестра одета по погоде.

– Да, я как раз хотела сходить за завтраком Тому... – ответила она, опустив взгляд.

– Поехали, – сказал Роман еле слышно, – проедемся до города. – Вдруг брат резко остановил сестру: – Только прими душ, умойся, прошу тебя. Выглядишь совсем несвежей.

Офелия еле кивнула и направилась в ванную комнату, а Роман вышел из дома и сел в арендованный “Jeep”.

Приземлившись на сидение водителя, он достал сигарету и немедленно закурил. Осмотрелся. Пустая улица, наполненная характерным для октября мусором. По обе стороны переулка находились далеко не зажиточные домики и походившие на них трейлеры. Кое-где стояли до краёв забитые мусорные баки. Разбитый асфальт и местами отсутствующий бордюр придавали жути этому захолустью, лишая район надежды на внимание городских служб.

Где-то в конце улицы показался темнокожий человек в огромного размера вещах – ссутулившись, еле как перебирая ногами, он шёл в неизвестном направлении, воткнув взгляд в своё подножие. Роман узнал обречённого на страшную привычку бедолагу и тут же сплюнул

за окно. Затягиваясь сигаретой дальше, он нехотя осматривал округу, то и дело закрывая глаза от усталости.

Когда сигарете пришёл конец, из дома вышла Офелия – блёклая девушка скромными шажками приблизилась к водительскому окну.

– Садись, – сказал Роман, заводя автомобиль.

Она обошла машину и еле как справилась с тяжело открывающейся ручкой двери. Затем, судорожно усевшись, она вопросительно посмотрела на Романа.

– Для начала просто проедемся, – предупредил её брат, выезжая на трескающийся под колёсами внедорожника асфальт.

Их выезд с улицы сопровождал холодный ветерок и звучащий на радио блюз, что побуждало Офелию к началу разговора. Роман же молчал.

– Как дела дома? – спросила она дрожащим голосом, ещё не привыкнув к компании родного человека.

– Не думаю, что ты действительно интересуешься моей жизнью, но матери, – в этот момент Роман повернул взгляд на сестру, – очень тяжело. На прошлой неделе у неё случился инсульт, я вовремя отвёз её в клинику. Она сейчас под наблюдением.

– Мне очень жаль... – выдавила из себя Офелия после минутной паузы.

– Враньё! – Роман резко остановил машину. Затем вцепился в ворот куртки сестры, та от страха вжалась в кресло. – Если бы тебе действительно было жаль, ты бы не пропала со своим... этим...

Он отпустил её, и медленно покатыл машину дальше. Заглушив радио, брат достал сигарету и снова закурил.

– У тебя было всё. И сколько ошибок ты совершила? Если бы я знал, как вы сейчас живёте, я бы давно забрал у тебя Тома.

– Так почему же ты его не забрал?! – злобно рявкнула Офелия, рефлексивно на упрёки брата. – Где ты был всё это время, пока я была вынуждена работать шлюхой?!

– Потому что я надеялся, что тебе хватит совести вытащить если не себя, то хотя бы своего сына, из этого дерьма. А вчера ты позвонила мне, сказав, что Тому грозит опасность. И дай-ка я угадаю, по чьей вине он сейчас может пострадать?

Роман кивнул на окружающее их захолустье.

– Этого ты хотела всю жизнь? Этого заслуживает он?!

Офелия подняла взгляд – их окружало зыбкое гетто, без признаков счастливой жизни. Обитель грязи, пыли, страданий, что приносят трущобы уже зависимым людям, которые теперь навечно обречены коротать свою жизнь здесь, в единственном районе, где еще можно найти крышу за бесценок.

Ей стало отвратительно. Отвратительно от собственного вида, мерзко от того, куда она завела свою семью, своего человечка, которого оставила лишь ради того, чтобы дать шанс на лучшую жизнь, нежели ту, к которой пришла она сама. И вопреки собственным намерениям, она осознала, куда привела Тома, куда пришла сама за время собственного путешествия в мир удовольствий, лёгкости существования и безнаказанности потребления. Свеженанесённая тушь разбавилась девичьими слезами и, вместе с солёной водой, стекала по худым, бледным щекам, прерывая свой путь на подбородке.

Но это был не детский плач столкнувшейся с трудностями жизни девочки. В этих слезах таилось злое, очень злобное разочарование вкупе с самоистязанием за собственные иллюзии, которые Офелия строила и питала, пока существовала здесь.

Они ехали молча минут двадцать. Роман не переставал курить, а девушка уткнулась взглядом в свои худые ноги и не поднимала глаз. Проезжая мимо одинокой заправочной станции, что утыкалась боком в мост через местную реку, Роман резко завернул к колонкам. Остановившись, он предупредил:

– Я за сигаретами, тебе что-нибудь взять?

Она молчала. Не дождавшись ответа, брат захлопнул дверь машины. Вставив пистолет в бензобак, он направился к магазинчику, где находилась касса.

Офелия подняла взгляд и осмотрелась. За станцией резко начинался овраг, крутой берег которого вел к постепенно уходящей реке. На ближайшие метров двести от моста, по улице ничего и никого не было видно.

Но внезапно, с другого берега послышался громкий шум машин и визг, похожий на исполняемые пьяными людьми звуки. Через некоторое время к заправочной станции подъехали два переполненных молодежью автомобиля.

Шумная компания податых и не совсем адекватных молодых людей в сопровождении громкой музыки остановилась прямо у парковочных мест заправки. Пovýлезав из автомобилей, ребята не без шума направились к тому месту, куда только что ушёл Роман. Вглядываясь в лица прибывших, Офелия жадно выискивала лицо, чей вид не без страданий, но всё же доставил бы ей радость, однако, заметив и сторонних гадов, девушка еще больше вжалась в кресло машины, позабыв про свои изначальные намерения увидеть знакомых в этой кампании. Несколько взглядов из этой своры всё-таки достигли девушки, что и заметила Офелия, всеми способами пытавшейся скрыть глаза.

Около десяти человек медленно, пьяной походкой стягивалось к магазину у заправочной станции. Касса находилась внутри, и, как только молодёжь почти вплотную приблизилась ко входу, из двери, с обычной, недоброжелательной гримасой вышел Роман, и, оглядывая всю прибывшую компанию, прошел сквозь неё сухим, несмотря на некоторые провокационные моменты.

Дождавшись того, как подаваемый бензин закончится, он сел в машину. Заметив несколько иной, особенный грустный настрой сестры, Роман мгновенно предположил, что эта грусть была вызвана местными оборванцами.

– Они тебе что-то сделали?

Офелия негромко всхлипнула, сдерживая вновь прибывающие слёзы, однако ответила, что это остатки их прошлого разговора.

– Нет, всё нормально, просто я думаю над твоими словами..

– И что же ты надумала? – продолжая давить, спросил Роман.

Нервно, прикусывая губы и играя скулами, девушка отвернулась от брата к окну и лишь негромко произнесла:

– Поехали.

Немногими мгновениями спустя, Офелия попросила у брата сигарету. Роман молча бросил ей на колени полупустую пачку из своего кармана. Там же она нашла и зажигалку.

– Я наверное, очень плохая мать, ведь позволяю себе не думать о Томе в первую очередь, – начала она, высунув руку в окно, пытаясь хватать ветер.

Роман молчал, позволяя сестре взять на себя инициативу.

– Ты ведь помнишь, как мы жили, будучи малышами, беззаботно, не отвлекаясь на ерунду и прочие возможные проблемы, о существовании которых просто не знали на тот момент. Лет до десяти, что твоих, что моих.

– Ты так жила.

– Ох, ну да, ты прав. Наверное, все эти слова про меня.

Она медленно, но сильно затянулась, осушив сигарету почти на сантиметр.

– Но все равно, потом мы, все ещё будучи детьми, постепенно выходили из родного гнезда, приобретая сторонних знакомых, друзей и подруг. Я приобретала новые интересы, желания, страхи... Я старалась быть хорошей девочкой, правда до тех пор, пока ещё была в контакте с мамой. После первых поцелуев, меня уже не волновали ни она, ни моё будущее, ни

дом. Вдобавок ещё и эта шлюхи, чьим примером заразилось все наше поколение. Мальчишки хотели иметь таких, как Монро, а девочки хотели, чтобы их имели так, как хотели иметь её.

Ещё один затык.

– И вот сейчас, только лишь ценой страданий, я начала понимать, что же происходило в эти пропащие десять лет, когда я из маменькиной дочки постепенно превращалась в дешёвую проститутку, сама не замечая этого. Скажи мне, Ром, как самому проследить это превращение, прервать его? Может ли человек, приближаясь к пропасти, надеяться на себя? Ведь я не замечала, как тону. – Она посмотрела на брата очень болезненным взглядом, искренне надеясь, что он даст ей ответ.

Роман молчал, не зная и даже не думая, что ответить.

– Нас всю жизнь учат. Учат всему, кроме того, как быть одному. А знаешь, что самое страшное?

Брат пожал плечами.

– Самый ужас в том, что я не знаю, как объяснить это Тому. Если бы не моя глупость, я бы вообще не позволила бы ему явиться в этот мир...

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился Роман.

– Ты видел ту компанию, ты смотрел на них с презрением, отвращением, понимая, на что способны эти ублюдки в том случае, когда их прижмут к стене. Ты знаешь, на что способна я, когда мне не хватает на героин. Но скажи мне, кто виноват в том, какими мы стали?

Роман внимательно посмотрел в глаза сестры, которые внушали лишь вопросительную интонацию, без капли оправдания.

– Но если мой сын станет таким же, я буду винить себя, так как знаю, что могла это исправить.

– Теперь ты понимаешь маму. – Строго сказал Офелии брат, позаимствовав у неё сигарету.

– Я не понимаю, зачем наши матери так рисковали, приводя нас сюда, в этот ад.

– Она надеялись, что мы их не разочаруем.

– Ты намекаешь на меня? Слушай, я каждый раз разочаровываюсь, и не только, в себе, когда даю засунуть в себя очередному ублюдку. Ты действительно всё ещё пытаешься донести до меня, что я есть разочарование в глазах матери? – Офелия начинала кричать.

Роман проигнорировал её вопрос.

– Я попросила тебя приехать за Томом. Пожалуйста, – Офелия взяла брата за руку, – постарайся научить его одиночеству.

Тут брат резко повернул на обочину:

– Ты решила с помощью меня избавиться от сына?

На глазах Офелии опять наворачивались слёзы. Сдерживая рыдания, она хаотично ошупывала его руки.

– Послушай, я не...

– Нет, это ты послушай, я не позволю тебе отступить от собственного ребёнка. Я приехал сюда, я согласился помочь, но ни за что не стану оправдывать тебя перед ним. У него есть шанс, как и у каждого из нас, и вся твоя чушь, что, возможно, заставляет тебя думать о том, что ты не виновата, ничего не стоит, и я тебе скажу, что во всем происходящем в жизни человека виноват только человек! Можешь сколько угодно выгораживать себя перед собой же, но...

В этот момент Роман остановился. Что-то внутри переключилось у него, он замолчал. Гнев быстро пропал с его лица. Он медленно вышел из машины и, опершись спиной на дверь, спустился на землю.

Из машины послышался дрожащий голос Офелии:

– Рома, я наркоманка! Какая из меня мать, какие у него шансы, о чём ты говоришь? Неужели ты желаешь ему того же, что светит каждому ребёнку, выросшему в этом дерьме? Я

говорю так не потому, что пытаюсь от него избавиться, а потому, что пытаюсь избавить сына от меня...

Она медленно вылезла из джипа, обошла капот и присела рядом с ним. Сильно прижав руку брата к себе, она с ещё большим напором слёз начала объясняться:

– Ты даже не представляешь, как я себя ненавижу за всё зло, что уже успела причинить моему мальчику! Не хочу, чтобы он и дальше страдал от такого ничтожества, как я. Будучи зависимым от меня, у него не будет шансов на нормальную жизнь, особенно сейчас, в той ситуации, в которой я нахожусь. Прошу тебя, хотя бы ради него, заведи его, заведи, чтобы он смог забыть всё что пережил со мной, пожалуйста, Ром!

Он нервно выдыхал дым от сигарет, смотря куда-то вдаль улицы, наблюдая за пасмурным пейзажем неба, долго не решаясь что-либо сказать сестре.

– Хорошо.

Офелия приподняла голову с его плеча и посмотрела в его глубокие карие глаза.

– Ты серьёзно?..

– Да.

– Спасибо огромное, – прошептала Офи в ответ.

– Одно условие. Не торопись отвечать. – Роман, едва моргая, взглянул на сестру: – Я думаю это будет наилучшим решением, если ты больше никогда в жизни не появишься у него на глазах.

Офелия, пребывая в легком шоке, не понимала, к чему ведёт брат.

– Ты никогда больше не напомнишь ему о своём существовании, никогда больше не встанешь у него на пути, никогда не появишься у порога его дома. Никогда не приблизишься к нему.

Роман говорил грозно, выделяя каждое слово, заставляя задуматься мать племянника.

– Я считаю это единственно возможным шансом на нормальную жизнь для него, и думаю, ты считаешь также. Подумай об этом.

Не обращая внимания на слегка ослабевшие объятия сестры, он, без проблем выдернув руку, встал, открыл дверь и сел в машину. Офелия смотрела в сторону, где только что находились глаза брата, не понимая, на что она соглашается, пытаясь снова и снова проговаривать у себя в голове эти условия.

– Ты так и будешь сидеть? Я думаю, что Том скоро проснётся, и нам стоило бы поторопиться к его завтраку.

Девушка не торопясь, опираясь на руки, будто пребывая в сильном головокружении, поднялась с земли, обошла машину, осяпывая с каждым шагом поверхность её холодного металла. С каждым мигмом она приходила в себя, но этот ультиматум, что вывел Роман, поразил её до глубины души, где она почувствовала родство почти потерянного ею мальчика.

В самом деле, в следующие полчаса, Офелия снова и снова переживала самые запоминающиеся кадры её жизни с момента появления этого черноволосого чуда.

Она вспомнила, как, будучи в очень долгих отношениях, если это можно было назвать отношениями, с отцом Тома, Питером Рокхолдом, который стал самой сильной её любовью, который её и погубил, она, молодая и полная желаний жить, несмотря на весь спектр опробованных средств изменения сознания, поняла, что беременна, дала себе клятву перестать быть жертвой кайфа и удовольствия. Как она любовалась собой, просматривая свой с каждым днём наполняющийся жизнью животик. Офелия презренно охватывала взглядом срам, который уже достаточно крепко прижился в её с Питером доме, и всё же надеялась, что с появлением мальчика всё изменится. Она пыталась исправить собственный образ жизни, и у нее это получалось, однако убудок, которого она столько терпела, тянул её на дно, с которого, протрезвев, она с ужасом бежала куда подальше.

Офелия вспоминала, как, через сутки после родов, была выставлена на ветреную улицу вместе с ребёнком, и, держа малютку на руках, несла его несколько километров к себе домой, где её ожидал, в компании таких же наркоманов и прихода, “принц”.

Без сомнения, в памяти девчонки проглядывались и те моменты, которых она прежде не вспоминала, да и не желала бы вспоминать, так как ничего, кроме отвращения и злобы на саму себя они не вызывали. Она вспоминала, как, представ перед собственным подрастающим мальчишкой шлюхой и наркоманкой, выискивала лишь деньги у себя дома, полностью игнорируя его существование. И только на данный момент Офелия увидела его тогдашний взгляд, его недоумение, непонимание того, что происходит, но ведь “мамочка меня любит, а я люблю мамочку”.

Как только Роман вышел из машины в маркет, оставив сестру по её желанию наедине с собой. Она взвыла от ненависти к собственному отражению, начиная царапать себя, сильно кусать щёки, рвать на себе волосы.

Глава 3

Ошейник предназначался лишь для Деметриуса, или как коротко звал его хозяин, Ди. Тианна же имела спокойный и пассивный характер, и эту девочку Том никогда не ограничивал поводком.

Улица была практически обездвижена, за исключением единичных машинок, везущих своих хозяев на рабочее место.

Том выволок Ди из собственного двора на тротуар, где беспокойный пёс начал мгновенно принюхиваться к конкурентным запахам, однако же на деле все местные псы не хотели связываться с ним. Тианна же повиливала коротким хвостом вокруг да около хозяина, и когда Томас остановился, раздумывая, куда бы направиться, девочка вопросительно посмотрела на него своими нежными глазками.

– Что, в парк или к реке? – спросил Том у Тианны, и кивнул на Ди: – Ему всё равно, топай куда хочешь, мы пойдём за тобой.

Тианна присела на асфальт, судорожно оглядываясь по сторонам, и через некоторое время её взор остановился на Морнинг стрит, неподалеку от которой находился парк.

– Веди, – сказал Томас, оттаскивая Деметриуса от мусорного бака.

Тому здесь нравилось. Он переехал в свой нынешний дом около трёх лет назад, сразу после перевода на новый участок. Ему нравилась здешняя тишина. Район этот богат, культурно насыщен, даже перенасыщен, если уж говорить о доступности городских особенностей.

Том глядел под ноги, время от времени одёргивая пса. Сильная фигура Деметриуса пыталась сопротивляться ещё более сильным рывкам поводка, но хозяин не оставлял шанса собаке гадить на местных дорожках:

– Потерпи, мы уже на перекрестке.

Тианна культурно шагала впереди неразлучной поводком пары, ведя её на любимую территорию прогулок. Том любил её за характер, потому как она напоминала ему самого себя. Он тоже одиночка, как и эта сука, которая за всю свою жизнь не подпустила к себе ни одного кобеля, более того, ни один кобель пытавшийся завладеть ей, или же хотя бы познакомиться, не уходил после этой встречи целым. Она – тёмная лошадка, остающаяся безопасной в стороне лишь до тех пор, пока её собственные интересы не будут затронуты.

С Деметриусом отношения у Тианны были скорее братские, чем дружеские, по причине того, что Ди попал в дом к Томасу намного позднее, чем Ти. Деметриус в двухмесячном возрасте был передан Тому ребятами из отдела, где он раньше работал, Тианна же была найдена им на старом пустыре – худой и голодающий щенок искал хозяев. Телефон на ошейнике не отвечал, и восьми-девятимесячная девочка поселилась бок-о-бок с одиноким копом. Первый месяц

их совместной жизни был крайне тяжёл для обоих. Том как всегда работал сверхурочно, оставляя девочку дома одной, но в конце концов, Тианна приучилась к самостоятельности, а именно открывать холодильник и кладовку, а также окно для своевременных выгулов. Странно, но она ни разу не потерялась. После появления маленького конкурента за внимание, трёхгодовалая Тианна огрызалась то с ним, то с Томом, но в последствие привыкла к младшему брату, постепенно обучив его собственным умениям. Однако же она так и не научила его обладать железным терпением и контролировать собственное поведение. Ди очень сильно шкодил, да и сейчас он не способен сдерживать желания что-либо погрызть или испортить.

Постепенно улицы наполнялись людьми, и уже ближе к седьмому часу, когда Том со своей компанией почти пересёк Морнинг стрит, толпа стремилась к центру города. Протискиваясь сквозь эту гущу, Томас ухмылялся тому, как идущие навстречу люди испуганными глазами осматривали его компаньонов. Однако же, сколько бы это не приносило удовольствия Тому, он старался обходить территории скопления большого количества людей. Ему становилось некомфортно от ощущения собственного злорадства над теми, кто страшился его собак. И хоть Тианна никогда не нападала на людей, лишь рычала, когда незнакомые дети приближались к ней слишком близко или, более того, начинали наглеть и цеплять её, Том в любом случае был ответственен за прогулку потенциально опасного животного без поводка и намордника.

Слегка дав волю собственному эгоизму, Том свернул поперёк вставшего от пробки движения на улице. Он ловил на себе пугливые и недовольные взгляды от случайных прохожих и водителей авто, но это было для него отнюдь не новым.

Через ещё полкилометра Том наконец достиг парка. Пройдя через аллею к сектору прогулок с животными, Том запустил собак на стадион и закрыл за собой калитку.

Когда маленький Томас проснулся, около двери, сложив руки перед собой, стоял неизвестный мужчина. Стоял и улыбался. Том не узнал человека и сразу вжался в одеяло, попутно высматривая в нём мать. Офелию он так и не нашёл, что привело мальчика в ещё большую панику.

– Тише, тише, Томми! – начал успокаивать его человек, раскрывая перед собой руки. – Это же я, дядя Рома, ты не узнаёшь меня?

Томас испуганно отодвигался от мужчины вглубь кровати, пока не свалился с неё.

– Аккуратнее!

Мужчина взял Тома под руки и быстро поднял с пола на кровать.

– Эй, послушай, тебе не о чем беспокоиться, твоя мама на кухне, готовит завтрак. Если хочешь, пойдём к ней?

Том молча слез с кровати и, направляясь к двери, быстрым шагом обошёл мужчину.

Играло радио. Попав в коридор, Том почувствовал пробуждающий аппетит запах. В то же время мальчик заметил, что пол в коридоре чист, и можно ходить босиком. Пройдя чуть дальше, к залу, Том узнал запах жареной курицы. На кухне он увидел хлопчущую за плитой мать, а в зале – полный порядок. Никаких следов вчерашнего бардака. В момент, когда Том вспомнил вчерашнюю обстановку, ему сделалось так худо, что он с сильным вдохом чуть присел на пол, однако сильные руки схватили и поставили его обратно.

– Ты чего? – спросил тот самый мужчина.

– Что случилось, Том? – Мать услышала громкий вдох сына и мигом примчалась.

– Всё... хор-рошо, – промямлил Том.

– Ты испугался своего дяди? – Офелия обняла сына и посмотрела то на него, то на Романа своими необыкновенно сияющими глазами.

Тома опять поправило – мама такая счастливая, она забыла всё, что вчера случилось? Офелия необыкновенно улыбалась, это пугало Тома.

– Нет, чего ему страшиться, он вон какой крепкий парень, – сказал Роман.

Том вспомнил, что ещё вчера мать собиралась звонить дяде Роме для того, чтобы он приехал за ним.

– Вы меня заберёте? – напрямую к Роману обратился мальчик.

Лицо Офелии поменялось в корне, улыбка и сияние в миг пропали, она вопросительно посмотрела на брата.

– Мой хороший. – Она взяла Тома за руки. – Мне нужно будет уехать, и оставить тебя здесь не с кем, а с собой тебя взять не получится. Ты чуть-чуть поживешь с дядей Ромой, вы поедете в Америку, город Бриллингс, домой к нему, а через некоторое время я прилечу и заберу тебя.

Томас серьёзным взглядом смотрел то на мать, то на Романа.

– Хорошо, мама.

Он приблизился к Офелии вплотную и обхватил её плечи. На глазах девушки выступили слёзы, линию губ поразила нежная кривизна, приправленная горем:

– Иди умываться, а затем приходи к столу, я приготовила тебе курочку с картошкой.

Довольно-таки давно в этом доме не накрывался полноценный завтрак. Офелия трясушимися руками хлопотала над столом. Она постаралась, аккуратно застелив светлую скатерть, разложив небогатый сервиз на троих человек, смешав всё это тарелками с жареной курицей, печёным картофелем, овощным салатом и фруктами.

Томас сидел на стуле поверх подушки, еле как сравниваясь с остальными присутствующими, и жадно уплетал всё то, что подкладывала ему мать в тарелку. Размахивая вилкой, мальчик совсем забыл про своего дядю и запланированный отъезд, и дабы развить его возможную тревогу, Роман начал говорить:

– Томми, я уверен, мы с тобой подружимся. – Сказал он это необыкновенно улыбаясь, и Офелия заметила в нём серьёзное стеснение, видимо оттого, что Роман не знаком с воспитанием детей. – Ты знаешь, где находится Бриллингс?

– Нет, – без интереса ответил Томас.

– Это небольшой город, на севере Соединенных Штатов... Понимаешь, я живу в другой стране, и мы полетим туда на самолёте, так что у нас с тобой ещё много времени, чтобы по-серьёзнее познакомиться.

– Как это – по-серьёзнее? – задал вопрос мальчик, отправив вилку с большой картошкой себе в рот.

Офелия улыбнулась, отведя взгляд в сторону, а затем искоса взглянула на брата. Тот потерял дар речи от заданного вопроса, вода над тарелкой вилкой, хватая ртом воздух, не находя нужных слов:

– Ну... понимаешь... по-серьёзнее... эм... это не по-детски...

– А как по-детски? – перебил Том.

– Ну... эм. – Роман вопросительно поглядывал на сестру, ожидая вспомогательных знаков, однако та лишь улыбалась, предоставляя ему возможность самостоятельно познакомиться с этим нелёгким человечком. – Знаешь, Том, у нас все будет как у взрослых. Серьёзно значит по-взрослому. А так как мы с тобой мужчины, то у нас все будет вдвойне серьёзнее. Ведь ты уже большой парень, пора научить тебя быть взрослым, ты наверняка так хочешь им стать, правда?

– Не знаю, думаю нет, – сказал Том, жуя курицу.

Роман от столь резкого ответа аж вытаращил глаза, переводя их с мальчика на стол.

– А он умеет унижать по-взрослому, – сказал он Офелии после небольшой паузы.

– Давайте доедайте, – Офелия встала из-за стола и направилась к холодильнику. – А тем, кто всё доест, достанется мороженое!

Но вопреки ожиданиям, Томас никак не проявил желания попробовать десерт, а лишь прыгнул с высокого стула, взял тарелку, отнёс её к раковине и аккуратно поставил внутрь.

– Мама, спасибо, можно я пойду гулять на улицу?

Офелия, поражённая собственным сыном, стояла как вкопанная, не в силах сказать ни слова. Её совесть в очередной раз уничтожала саму девушку, и это происходило действительно жестоким образом – голос в голове Офелии диктовал ей сплошную ругань за то, что ей, такой безответственной и дурной, ненадежной и легкомысленной, достался такой умный и чистый мальчишка, со светлой головой. Перед ней стоял ангельский ребёнок с зелёными глазами, и смотрел этими глазами так преданно, так доверяюще, что девушка не могла не разрыдаться.

– Что случилось, мама? – Томас подбежал к Офелии и взял её своими маленькими ладошками за щёки. Девушка в свою очередь, всхлипывая, крепко обхватила сына руками, сгибая голову к его маленькому плечу.

Роман глядел на это, осознавая, что так растрогало сестру. Но он не верил этим слезам, так как всё еще сомневался в согласии Офелии на его предложение. Он откинулся на спинку стула и медленно закатил глаза, улавливая ртом больше и больше воздуха. Это действительно было тяжело – он отнимал у сестры сына, но на сестру ему в общем-то было плевать, однако именно мальчик сильно волновал Романа. С момента их разлуки начнётся крупная возня с документацией, Офелии придётся отказаться от собственных родительских прав в пользу опекуна Романа, более того, сам Роман думал разыграть ситуацию суда, где он с помощью судьи отнимет племянника. Без сомнений, так было бы гораздо эффективнее и надежнее, но этот план у него был заготовлен на момент перелома настроения Офелии, лишь когда она откажется от запланированных с братом действий. Так как он почти не верил в сестру, Роман не надеялся ещё её увидеть, и не удивился бы, если узнал, что она сгинула в каком-либо притоне от передоза или жестокого изнасилования.

Он ненавидел свою сестру. Ненавидел за её скверный и хитрый характер, за её глупый детский авантюризм, за недалёковидность. Более того, он винил приёмную мать за то, что настолько избаловала сестру.

Его родители погибли во время пожара в их родном доме, единственным выжившим среди его большой семьи оказался Рома. Единственным согласившимся на ответственность опекуна была сестра матери, Лана Поулсон, которая в день трагедии же забрала племянника. Она сама давно развелась со своим третьим мужем, оставив у себя дочь, маленькую Офи, и не могла оставить Рому одного на произвол судьбы.

Сама Лана была довольно таки умной женщиной, сумевшей построить крупный бизнес вместе с каким-то брендом одежды. Жили они очень хорошо, не зная нужды и не отказывая себе ни в чём. Естественно, Лана вечно разъезжала по званым вечерам, курортам, командировкам и тому подобному, и дети были предоставлены сами себе. Была лишь нанятая Ланой домохозяйка, которая в самом начале пыталась заниматься воспитанием Офелии, однако же не найдя в последствие её взросления никаких средств управы над девочкой, выполняла лишь формальные обязанности по дому. Лана почти не занималась своими детьми, таким образом вырастив собственную дочь глупой жертвой молодёжного разврата, с отсутствием какой-либо мудрости и понимания жизни. Романа ото всех предоставленных соблазнов спасала лишь тоска и горечь на душе от пережитых потерь. Оставаясь у себя на чердаке, парень проводил время за книгами, попутно наблюдая, как разворачивается сестра. Поступив и успешно закончив юридический факультет в университет Монтаны, он переехал в Штаты, оставив приёмную мать с сестрой в Канаде.

Через несколько лет после его переезда, у матери случилось сильное проявление долго беспокоящего невроза. Бизнес у неё в конце концов отняли свои же собственные коллеги, оставив Лану банкротом. На момент разорения Офелии было девятнадцать, Роману – двадцать семь. Как только он узнал о случившихся переменах, сразу же явился в Уайтхорс, обнаружив сестру безразличной к жизни матери наркоманкой, а саму Лану – постоянным «клиентом» местной психоневрологической больницы. Забрав мать с собой, Роман послал Офелию куда

подальше и больше не желал её видеть. В последствие он приезжал к сестре два раза – когда она осталась одна после родов, и на третий день рождения Томаса, под Рождество.

– Идём. – Офелия взяла за руку приодетого сына и повела его к выходу. – Если в самолёте будет холодно, попросишь у дяди одеялко – я положила его в твой рюкзак.

Том молча кивнул, внемлющими глазами засматриваясь на мать. Лишь в воспоминаниях он осознавал, что в тот момент мать очень нервничала.

Выйдя на крыльцо, они попали под дождливый сентябрьский вечер.

– Парень, иди беги в машину, – поддерживая Тома, сказал Роман. – Эта дверь очень тяжёлая, её могут открыть только взрослые. Давай, попробуй.

Упёршись рукой в авто, мальчик начал оттягивать ручку двери. Она поддалась, и втиснувшись в щель, мальчик распахнул её полностью и залез на переднее сиденье.

– Может...

– Ничего страшного, – перебил сестру Роман. – Я аккуратно.

Закрыв дверь за племянником, он оставил себя с сестрой один на один. Дождь усиливался, и волосы Офелии быстро осели под тяжестью воды. Она молчала довольно долго, прислонившись ладонью к окну автомобиля и вглядываясь, наблюдала за Томом. Тот в свою очередь смотрел на мать.

Роман молча наблюдал за этим, выдерживая тихую паузу. Затем, всё-таки сжалившись над сестрой, начал:

– Я думаю, у нас всё получится. – Он прервался. – Эм-м-м.. я уверен, что у нас всё получится.

– Я тоже так думаю, – сказала Офелия, наклоняя голову к стеклу.

– Это жестоко, понимаю, но ты сама сказала, что хочешь спасти его. Это.. очень ответственно, я на самом деле впечатлён твоей решительностью.

Офелия молчала с закрытыми глазами.

– Насчёт школы мы конечно чуть опоздали, но не беспокойся, я что-нибудь придумаю. Хотя этому взрослому парню врятли так нужно было первое сентября. – Роман опять взял паузу. – Знаешь, он особенный. Я конечно, не секу в детях, но Том.. он меня впечатлил. Он не такой как другие дети.

Дождь уже насквозь промочил обоих, заставляя поторапливаться с прощанием, но они стояли и молчали.

Офелия наконец оторвалась от стекла, помахала Тому на прощание, развернулась к дому, и, не смотря на брата, выкинула ему быстрое «Спасибо».

Роман молча проводил её взглядом, и даже когда дверь дома закрылась, он всё еще смотрел в эту сторону. Прощание выдалось тяжелее, чем он предполагал.

– Ну, парень, у нас с тобой есть ещё одно незавершенное дело, – сказал Рома, быстро запрыгнув на сиденье водителя, – мы не сразу поедem в аэропорт, но уверяю тебя, завтра мы уже будем у меня дома. Сейчас отправимся в гостиницу, где переночуем, а утром же полетим в Америку. Как тебе такой план?

В общении с ребёнком этот человек совершенно менялся. У него неуклюже получалось купировать собственную грубость, стать дружелюбнее и подбирать понятные слова.

Ровным счётом Том был необычно равнодушен к тому, что ему предстоит. Почему-то он быстро привык к Роману, потерял интерес к предстоящей разлуке с матерью, объясняя это её же словами – “мама работает”. Он молча сидел, уткнувшись взглядом в лобовое стекло.

– Мне всё равно, – сказал он тоскливо.

Одной рукой Роман приобнял мальчика за плечи:

– Не переживай, вы скоро увидите. Мне очень жаль, что так вышло, но ведь это жизнь – не стоит останавливаться, нужно жить дальше. Слушай, я обещаю тебе, мы станем хорошими друзьями.

Он необычно красиво улыбался, и Том, глядя на его глубокие глаза, невольно улыбался в ответ.

– Я научу тебя охотиться, рыбачить, играть на музыкальных инструментах, будем читать с тобой лучшие книжки, строить шалаши и дома на деревьях, печь пиццу, жарить хлеб на костре. Мы столько всего с тобой переделаем! Главное условие – не грустить, потому что я не люблю, когда мой племянник грустит, я начинаю сам грустить, а затем становлюсь грустным, как панда..

Он так смешно говорил, что в Томе просыпался ребёнок. Действительно, его дядя забавно изображал грустную панду.

– Но панды большие и сильные.

– И что? Да, конечно, хорошо быть большим и сильным, но панды едят лишь бамбук! Да-да, сухой, мать его, бамбук, и больше ничего! Я не хочу так, я хочу мяса, картошку, пиццу в конце концов! Я бы хотел быть... чёрт... а кем бы я хотел быть? Кто из зверей вообще смеётся?

Он опять скривил недоумевающее лицо, в машине снова раздался звонкий смех.

– Может слоны?

– Слоны? Хм, точно, они вот так смеются, – и Роман издал звук, частично напоминающий рёв слона. – Мне бы ещё хобот, такой длинный-длинный нос, как у них, я бы рулил с помощью него!

Томас так сильно смеялся, что у него пробивались слёзы.

Роман ощущал себя рядом с этим ребёнком вновь маленьким, беззаботным. Это было необычное чувство. Он понимал, что он опять ведёт себя как мелкий шkodник, когда пытался рассмешить племянника. Бесценное чувство.

Доехав до Бейкер авеню, они вышли к небольшому кафе, где купили себе по паре больших хот-догов.

– Эй, тебе сосиска досталась больше, – нахмурился Роман, указывая на собственную булочку. – Давай меняться?

– Неа, – Томас ехидничал.

Они ехали через город, и интерес к происходящему у Томаса давно раскрепостился ввиду такого большого количества интересных для взгляда ребёнка явлений. Машины, светофоры, горящие окна в больших домах, разные люди на тротуарах. Бесконечный поток вопросов лился в уши Романа, на который сам он пытался дать максимально понятный для ребёнка ответ. Наконец поездка завершилась, когда дядя притормозил автомобиль у высокого красивого здания с большими часами у самых верхних этажей

– Ого, – растянуто произнёс Том, рассматривая гостиницу

Когда они вошли в гостиницу, их встретила красивая девушка, что отвела их на ресепшен. Томас впервые в жизни видел так много людей, и пока Роман о чём-то разговаривал с другой девушкой за стойкой, мальчик разглядывал незнакомые фигуры. Такие разные люди, такая разная одежда, столько запахов, невероятно интересное место – настолько тут всё ярко и красиво – большие хрустальные люстры, огромные высокие потолки, золотой свет на весь зал! Но Роман быстро оформил номер и забрал ключ, и они почти повернули к лестнице, как дядя остановился и спросил племянника:

– Ты хоть раз катался на лифте?

– На чём?

– На лифте.

– Это что за зверь?

– Оу, нет, это не зверь. Пойдём я тебе покажу его.

Томас настороженно проследовал через холл сквозь густо заполненную залу за своим дядей к непонятной для мальчика стене. В стене были железные двери, с небольшого размера ячеек сеткой.

Роман нажал на что-то в стене, и послышался некий гул от самой железной двери. Через минуту дверь начала открываться, пропадая в щели стены, и внутри небольшого помещения их встретил смешно одетый мужчина, который их тут же поприветствовал.

Томас отскочил к тому моменту, когда открылась дверь, испуганно глядя то на забавного человека, то на Романа:

– Не бойся, – дядя взял его за руку и повёл к лифту, – этот механизм нужен специально для быстрого перемещения меж этажами. Тут их двадцать четыре, и некоторым людям, например тем, кто живёт на самом последнем, очень тяжело ходить по лестнице на такую большую высоту. Заходи, не бойся.

Томас осторожно ступил на железный пол лифта, приковав взгляд к лифтёру. Как только они взошли, этот мужчина прикоснулся к стене лифта, и дверь с шумом начала закрываться. От этого звука Томас подскочил, и попытался выбежать из страшного помещения, однако дядя поймал его и сказал, глядя в глаза:

– Ты что, струсил?

Том не мог признаться в собственной боязни, и молча ждал, что будет. Вдруг кабинка содрогнулась, и какая-то неведомая сила начала поднимать её, оставляя еле видимый сквозь щель в двери яркий зал всё ниже и ниже. Том был шокирован. Он чувствовал подъём, ему это нравилось. Роман заметил расплывающуюся улыбку на его лице и наполненный диким интересом взгляд на пол. Затем достал кошелек, а из него десятидолларовую купюру и вручил лифтёру со словами:

– Прокатите нас ещё пару раз, пожалуйста.

Вдоволь покатавшись на чудо-устройстве, Роман и Том вышли на нужном им девятом этаже. Гостиная при выходе из лифта была оборудована несколькими дорогими кожаными диванами, на каменном полу красовался кроваво красный, вычищенный до блеска ковёр. Изобилие мраморных фактур на стенах освещалось светом хрустала у люстр. Мальчик с окрасины Уайтхорса никогда прежде не видел ничего подобного, даже по телевизору.

– Эй, Том, – прикрикнул из глубины коридора засмотревшемуся племяннику, – наш номер здесь.

– Я уже иду, – ответил мальчик, решив напоследок взглянуть в окно – на улицу простирался симпатичный вид, изукрашенный разноцветными огоньками. Было видно переулки, аллеи, площади, уличные указатели, парки, деревья, машины, фигуры людей. Вечерело.

После насыщенного всякими вкусностями дня, Роман уложил племянника на огромную кровать. Пожелав спокойной ночи своему дяде, Том быстро вырубился, однако Романа никак не могли успокоить некоторые мысли. Он долго ворочался, обдумывая каждый свой будущий шаг, рассчитывая на безопасный выход из ситуации, обеспечение стабильности в его нынешнем мире, отсутствие ошибок. Он опять повернулся на другой бок и посмотрел на часы – полвторого.

Окончательно всё обдумав, убедившись, что его выбор максимально правильный, и иначе быть не может, Роман тихо поднялся с кровати, надел штаны, футболку, затем куртку и покинул номер.

Где-то вдали прогремел выстрел, и Том как будто бы его услышал. В миг вскочив, мальчик обнаружил, что дяди на соседней кровати нет, и он, возможно, совершенно один в этой комнате. Быстро пробежавшись до выключателя, Том врубил весь свет, в надежде увидеть зна-

комое лицо рядом. Но Романа нигде не было. Не было ни в коридоре, ни в ванной. Осознав, что номер пуст, Том включил телевизор. Пролистывая непонятные передачи, он искал что-то знакомое для себя, но поиск не дал результатов. Выключив экран, мальчик поместился на тёмное кресло в коридоре, завораживая собственным взглядом входную дверь. Спустя какое-то время Тома разбудил щелчок. Вжавшись в кресло, он наблюдал за дверью, которая медленно открылась, впуская свет из коридора отеля в номер. За светом в щель аккуратно протиснулась знакомая фигура. Оказавшись в номере, человек тихо закрыл дверь, оставляя внутри темноту. Было видно, как он снимает куртку, бросает её на пол, проходит в комнату к кроватям. Том сидел очень тихо, боясь своим дыханием нарушить молчание. Мужчина вдруг включил свет и вернулся обратно в коридор. Заметив мальчика в кресле, он спросил:

– Томас, ты почему не спишь?

От страха Томас закрыл глаза, и лишь когда услышал собственное имя, разомкнул веки. Перед ним в коридоре стоял его дядя. На лице у него было несколько ссадин, а вся майка была окроплена чем-то красным. Дядя взглянул на Тома, затем на себя и резко бросился в ванную.

Глава 4

Дав собакам вдоволь набегаться внутри вольера, Томас вернулся домой. Игнорируя желание поест, он прошёл в спальню, где, отодвинув прикроватную тумбу, открыл сейф и достал кобуру с 17-ым «Glock». Одев её поверх футболки, Том накинул куртку и направился к выходу.

– Не скучайте. Ужин вечером.

Тианна негромко пискнула, отворачиваясь от двери.

– Ну ладно. – Словно ведясь на уговоры сожителей, Томас зашёл обратно в дом. Разувшись, он проследовал на кухню, где достал из холодильника два охлажденных куса говядины. Оставив мясо подогреваться на плите, сам хозяин взялся за кофе. Открыв свежую утреннюю газету, подобранную на обратном пути, Томас углубился в чтение информационного мусора, рассчитанного на глупых людей.

Сегодня его первый рабочий день после месячного отпуска, первого за несколько лет. В силу отчуждения и одиночества, он отчаянно пытался избежать временного отстранения, иногда круглосуточно оставаясь в участке. Весь свой отдых Томас потратил на алкоголь, наркотики и проституток. После стольких лет, проведённых в отделе расследований особо тяжкий преступлений, он давно забыл о рамках и правилах, и вряд ли бы кто-то напомнил ему о том, как надо жить – он и не стал бы слушать. И этот отдых для него, как парадоксально бы это не звучало, являлся глотком свежего воздуха, где он, не находясь в рабочей среде, мог полностью забыться – в окружении дыма и потаскухи из местного бара.

Поулсон и не мечтал о такой работе, но все же чувствовал в себе нетерпимость зла. Не какого-то трусливого «злишка», а настоящего, полного ненависти и жажды кровопролития. Причём иногда он чувствовал подобное в каждом окружающем его человеке. Он не считал своим долгом бороться с ним, но и не желал, чтобы зло попадалось кому-то на глаза, и именно поэтому он выполняет роль законного санитара, устраняя проявления психопатов «в миру». Именно поэтому он варится в рутине ужаса, безумия и страданий.

За неделю до отпуска, последним делом Томаса являлось изнасилование с последующим за ним убийством ребёнка, и как по инструкции, виноватым являлся отец-алкаш погибшей. Том в очередной раз убедился, что и среди копов есть ублюдки, так как местными лентяями данный кадр привлекался несколько раз, однако никто не желал им всерьёз заниматься. И вот к чему это привело – изувечение с последующим убийством. Им не хватало доказательств в подозрении на «сексуальные» отношения с малолетней дочерью, и даже ювенальной юстиции до этого не было дела. Но когда за дело взялся сам Поулсон, для разговоров со «свидетелем-отцом» ушло всего пять минут, после чего последний раскаялся в совершении преступ-

ления, лишь бы не остаться с психологическим давлением детектива наедине в одной комнате. Феномен картины заключался в следующем – если бы не странные порезы на теле преступника, никто бы и не додумался о существовании напарника, товарища по дозе, который, участвуя в убийстве девочки, решил в последствии не оставлять свидетелей – убрать и папашу-насильника, однако, как оказалось, тот дал отпор. За дочь – нет, но за себя – да.

Как говорят священники, дьявол сопровождает нас с самого начала существования, с тех самых пор, как из Эдема были выгнаны первые люди. Дьявол искушает их, наводит страх, добиваясь нарушения заповедей. Но без собственного желания Ева никогда не сорвала бы запретный плод, и не поделилась его долей со своим мужем. И Том понимал это – оправдать действия человека искушением дьявола есть абсурд, и ничего не совершается без прямого причастия нарушителя. Поэтому должен существовать закон, поэтому никогда не пустуют тюрьмы.

– Желание есть семя греха, а совершённый грех – возросший и ухоженный плод этого дерева, – про себя сказал Том.

Он не понимал, как Господь, творец и глава всего существующего, позволяет произойти тому, что происходит каждый час, каждую минуту, каждое мгновение. Тома особо забавляла политика рассуждений церковных служителей – «не существует смертных грехов, ибо за всеми грехами идёт раскаяние». Без сомнения, любые желания могут возникнуть в головах каждого из нас, но вопрос лишь в том, что у каждого разный порог сдержанности и терпения. Кто-то воспитан так, что даже мыслить не позволит о грехе, а кому-то стоит лишь задуматься – и его мышцы сводит спазм. О каком дьяволе может идти речь?

Всю жизнь Тома донимали вопросы такого рода. Он не мог понять всю концепцию регуляции личности самим обществом, не мог полностью осознать влияние общества на него, и способности личности избегать влияния окружающей среды. Томас кучу раз сталкивался с проблемными людьми – маньяками, выросшими в сиротстве, бывшими сидельцами, что не смогли встать на верный путь, так как не выбрались из своего привычного окружения, неисправимыми наркоманами. Эти люди стали теми, кем они являются, казалось бы, по вине других людей. Однако не может сама человеческая натура оставаться безучастной по отношению к собственным изменениям. Девушка стала наркоманкой потому что сама хотела получить обещанное удовольствие, и её не останавливала ни уголовная ответственность, ни родительские наказания, ни социальная реклама. Сирота стал убийцей лишь из-за зависти к чужому имуществу, чужой любви, так как чувство справедливости подсказало ему, что ежели его лишили семьи, лишили безнаказанно, то и он может совершить нечто подобное. А с преступниками, регулярно совершающими правонарушения, вновь и вновь попадающими за решётку итак всё ясно.

Закончив с мясом, Том скинул всю посуду в раковину, потрепал собак и вышел из дома. На участке его ждал чёрный МВ 190 89-го года выпуска. Сев в автомобиль, Том лихо дал задний ход и выскочил на проезжую часть. Не церемонясь, кое-где нарушая правила дорожного движения, Томас следовал в свой участок. Пускай первый за три года отпуск ещё длился, Тому уже было невтерпёж оказаться в той среде, где он чувствовал себя по-настоящему дома.

Через двадцать минут Томас подъехал к штабу. На часах – половина девятого. Но почему-то, раздумывая на привычные для себя темы, Полусон не хотел покидать машину, понимая, что его мысли оборвутся предстоящими в полиции делами. Хотя это и не огорчало, и не радовало, Томас припарковал свой «Мерседес» ближе к участку и вышел из своего автомобиля.

В вестибюле его ждал турникет и старый знакомый по имени Дерек. На сегодняшнее утро Дерек был постовым, и по всей видимости, не выспавшимся за прошедшую ночь.

– Рад видеть тебя, стажёр, – негромко поприветствовал его Поулсон, заполняя ведомость о прибытии. – Выполняешь госдолг с закрытыми глазами?

– О, какие люди, Томас, – скрипя зубами и поправляя галстук ответил полицейский. – Это самая проклятая ночь в моей жизни. Ни мгновения на закрытие глаз, ни одного чёртова мгновения! Кстати, Гарвена сегодня выпускают.

– Неужели?

– Да, шериф получил сообщение от департамента. Нет прав держать его здесь до решения суда.

– Я восхищаюсь этой страной.

С этими словами Том покинул вестибюль и направился к лифту. По пути к своему кабинету он, к счастью, никого не встретил, однако в списках прибывших в участок Том увидел как минимум четырёх человек из своего отделения.

Том любил одиночество. Всю сознательную жизнь он пытался избегал больших компаний, шумных людей и всякого рода события, связанные со скоплениями человекоподобных. Ему было чуждо понятие дружбы, хотя он читал об этом в книгах, да и вообще имел правильное представление о ней. Ему была непонятна надобность в людских отношениях, которую он замечал во всех окружающих. Несмотря на то, что Том глубоко внутри считал себя социопатом, он мог функционировать со всеми людьми вполне нормально. Смолоду Том осознавал, что это качество – асоциальность, никогда в нём не изменится, ибо уже ничто не сотрёт ему память о знакомстве со смертью.

У Томаса были друзья, точнее друг. Там, где он жил до переезда в Торонто, со своим дядей, в его памяти хорошо засели все новостные случаи разбоев, грабежей, убийств и так далее. Надо бы упомянуть, что то место, откуда его забрал дядя, особо не отличалось от Юкона. Сам по себе, Бриллингс, как и Уайтхорс, не привлекал Томаса не из-за его социальных проблем, а из-за холода. Томасу очень не нравилось чувство холода. Когда он был в юном возрасте, он наивно полагал, что всякое преступление совершено человеком лишь из-за желания согреться – любой проступок вызывал бурю адреналина, который придавал замерзающему чуточку тепла. И отчасти он был прав. Люди грабили магазинчики и угоняли автомобили, так как им нужны были деньги, хотя безработицей что в Уайтхорсе, что в Бриллингсе и не пахло. Просто ленивые, просто люди. Но мотивов особых, решавшихся на жесточайшие убийства либо же нарочное нанесение особо тяжких ни в чём неповинным людям, и не только людям, Томас понять не мог. Даже сейчас.

Ведь жертвой одного из таких упырей, как говорилось в суде, пребывавшем в аффекте непонятно от чего и стала семья его первого и последнего настоящего друга – Боба – пухлого мальчишки, с которым на момент принуждённого расставания Томас был знаком около года. Как думал Томас, за такое короткое время он его очень хорошо понял и узнал, хотя как он мог судить, ведь других знакомств сам Том до этого не заводил. Они часто оставались после школы играть на площадке или же гулять с собаками. Всегда они были в стороне ото всех. В школе, которую после смерти Боба Том вынужден был покинуть, их никто не касался, и никого не касались они. Томасу нравилось дружить. Он видел с первого класса как это здорово, но ни сам он, ни кто-то другой не осмеливался выходить с ним на контакт. Однако знакомство с Бобом дало какой-то новый шаг, новое чувство в жизни, которое хотелось развивать до самой смерти. Но не до столь ранней смерти первого друга.

Боб часто говорил, что отец не рассказывал ему, где он работает, и даже мама толком не может понять, куда он уезжал каждую ночь. А однажды Томас услышал от своего друга, как тот видел избиение неизвестного мужчины на заднем дворе их дома отцом и ещё какими-то парнями. Боб страшно боялся этой истории, так как перед этим отец самостоятельно уложил его и сказал строго-настрого, чтобы тот спал, иначе последует суровое наказание. Мальчик не хотел подводить отца, но шум извне комнаты никак не давал уснуть. И, наконец осмелившись, Боб вышел из детской и, пройдя по коридору, удивившись, что матери нет дома, примкнул краем щеки к окну на задний двор. И увидел то, о чем рассказал своему другу, но сразу же

попросил дать клятву, что Том никому об этом не расскажет. Томас, естественно, пообещал хранить молчание.

Том не рассказывал своему другу о дяде, однако сам подозревал, что отец Боба был замешан в чём-то подобном, и стоило наверное рассказать об этом дяде, дабы спасти семью своего товарища, однако в те моменты Поулсон ничуть не подозревал, что всё может так трагично кончиться. Однако как это бы помогло? Преступник был пойман, посажен на принудительно лечение, и уже врятли выйдет оттуда. Однако Том подозревал, что стой за этим всем какой-нибудь хитрый и изворотливый ублюдок, виновник преступления мог быть подставной пешкой. Но как он не хотел добиться отмщения, Том никогда бы не стал возвращаться к этому делу.

Всё, что имеет начало, имеет собственный конец. Однако же природа подарила нам выбор – либо вершить собственный суд, либо же согласиться с общепринятыми догмами, и целым стадом стараться «сделать» мир лучше, работая лишь в угоду пастору. Какая из этих позиций, будь то хоть нейтральная, верна, Том не знал. Но он верил, что всему когда-либо придёт конец. Конец просмотру кино, окончание провизии, вдохновению, беременности, жизни.

Том смеялся над современным обществом, смеялся над людскими взглядами на происходящее, человеческим поведением внутри самой жизни, над политикой хомо-сапиенсов. Каждый день он видел сотни овощей, бестолково проживающий собственный цикл, пожирающих генно-модифицированные плоды, несущих за собой бесконечный смрад и гадость, при том оставаясь в своём понимании если не самыми чистыми существами на земле, то как минимум безгрешными паломниками. Том видел, как воспитывают таких людей, видел как они перенимают бестолковый консерватизм их родителей, которые в свою очередь приобрели его у своих. Люди, живущие по шаблонам других людей. Трусы, неспособные на отчаянные шаги ради единственно правильного отличия, перенимающие всё самое модное и упрощённое. Ему не нравилось это ещё со школы, когда самая «крутая» девчонка, или же парень, становились идолами других школьников, не имеющих средств на одежду и аксессуары модного поколения, которые так вдохновляли этих глупых детей.

И это происходило не только в школе – везде, где люди сталкивались друг с другом, есть те, кто зарабатывает на их глупости, есть те, кто готов от скуки жрать дерьмо ради всеобщего обожания, есть те, кто готов давиться этим зрелищем. Из-за подобного сумасшествия, ведомости деньгами, капитализмом, желания славы, успеха, секса происходит зло, от которого страдают все.

Но Томас не способен был сопротивляться этому. Он не винил себя или кого-либо ещё – он понимал – это не наш выбор. Мы так устроены, запрограммированы, и искать ключи к нашему сознанию дабы изменить его – бессмысленно. Допустимое правосудие работает только тогда, когда преступление уже совершено, а не тогда, когда его можно предотвратить.

День быстро шёл, и к удивлению Томаса, когда он закончил с материалами, на циферблате у входа время было позднее – около шести вечера.

Внезапно в кабинет зашел майор, Йозеф Хоуфман, шеф Поулсона – низкий, старый мужчина, чистокровный немец. Со словами: «Вниз! Нет времени любезничать, – тебя ждёт дело», он также быстро покинул помещение.

Прогремел гром, обозначающий начало дождя.

Спустившись в холл, Томас увидел своего бывшего напарника, с которым в самом начале карьерного пути свела их судьба, Марвина Додсона, одетого в длинный, промокший плащ. Довольно крупный, по сравнению с рядом стоящим шефом, парень, который был недавно переведен в другой отдел в связи с нехваткой штата сотрудников. Йозеф выслушивал Додсона, который очень интенсивно пытался объяснить что-то бывшему начальнику, однако тот, видимо совсем ничего не понимая, потерянно смотрел в пол.

Когда Поулсон подошел к ним, Хоуфман не стерпел, обращаясь к детективу:

– Чёрт возьми, Том! Безумно рад тебя видеть, но я ни хрена не могу понять, что у них там произошло – забирай Марвина и езжайте туда. Он все тебе объяснит по пути, хотя сам я ничего не понимаю! Все, езжайте, мне еще порядки тут с этими русскими наводить.

Том, подняв брови, недоумевающим взглядом проводил шефа, а затем переключил взгляд на Додсона:

– Что произошло?

Марвин пожал руку бывшему напарнику и повел его к выходу:

– По пути расскажу.

Глава 5

Томас мчался по шоссе, совершенно не волнуясь ни о дождливой погоде, ни о дороге. То, что рассказал ему Марвин, казалось ужасом.

Он помнил эту дорогу. Ещё до очередного, последнего переезда вместе с дядей в Торонто, будучи молодым, Том сменил много школ. Всю жизнь учителя и педагоги трактовали у мальчика наличие психосоциальных отклонений, в какой-то мере связанных с социофобией и приобретённым аутизмом. Феномен таится в обратном – Томас легко контактировал с другими детьми, однако ни желания общаться, ни самих друзей у него не было. Когда он стал старше, взросление повлекло за собой подростковые проблемы, заключающиеся в агрессии, конфликтности, неоправданных всеми поступках – Томас срывался на одноклассников, вступал в перепалки с другими подростками, и никем это, естественно, не одобрялось. За исключением Романа. Игнорируя все замечания от школьных работников, пропуская мимо ушей все жалобы учителей на родительских собраниях о, якобы, девиантном поведении его племянника, Роман был заинтересован лишь в одном – как научить ребёнка защищать себя. Он хвалил Томаса за очередную драку или же протестующее против каких-либо лишений поведение, проговаривая про себя, что Том – настоящая личность, уникал, который сможет занять своё место в этом мире. Однако ни одна школа не собиралась долго терпеть *wonderkind*, и Томас часто лишался своего привычного окружения. Скорее, привычным окружением он никогда бы и не обзавелся, ввиду постоянных переселений, которыми жертвовал дядя, в надежде дать ему образование. В каждой школе то и дело состоялись консультации с психологами, пытающимися разъяснить всю ситуацию в голове у Томаса. Их уже не успокаивало оправдание потери Томасом собственных родителей, которое было разыграно Офелией и Романом, и каждый хотел найти корень его проблем, ведь, пускай мальчик и был проблемным, иногда он проявлял свою доброту и феноменальный разум. Но ни один из них так и не добился желаемого результата – развеять параноидальные, по их мнению, иллюзии о том, что «все люди просто недостойны настоящего человеческого отношения» – это сказал Томас на одной из бесед. Никому не удалось ребёнку желание функционировать в социуме стандартно, без авантюры. Как и говорилось, Том пассивно игнорировал все разговоры, сводя на нет все аргументы в псевдо-философских дискуссиях с преподавателями.

Но все изменила пробная встреча с тогда ещё проходившей практику с проблемными подростками психиатром Алисой Дойл. Томас очень хорошо помнил первую встречу с ней, как и все последующие – директор школы вызвал его к себе в кабинет, где за столом, повернувшись спиной к двери, сидела она. Как только Поулсон зашёл, директор молча покинула помещение, оставив их наедине. Догадываясь об очередной попытке промывать мозги, Том не стал дожидаться приглашения сесть и приземлился напротив неизвестного присутствующего. Не поднимая взгляд на потенциальную собеседницу, Том услышал своё имя:

– Томас Поулсон, – сказала неизвестная и тут же представилась. – Меня зовут Алисия Анна Дойл.

В голове у Тома родилось странное, но приятно чувство, когда он услышал её голос, невероятно приятный голос. Он тут же поднял голову и увидел перед собой необычайной красоты девушку.

В то время Томас естественно увлекался девочками, имел опыт в контакте с ними, и соответственно, представление о своём идеале, однако то, что он увидел, выходило за все рамки его воображения.

Он разглядывал в ней безупречность – во всём! – начиная от карих, внемлющих доверием и мудростью, но явно что-то скрывающих от него, глаз, поверх которых очки, и заканчивая идеальными бёдрами. Чёрного-чёрного цвета прямые волосы спадали ей на аккуратные плечи, скрытые полупрозрачной блузкой, сквозь которую была видна прикрытая лифом грудь. Алиса была в короткой узкой юбке, держала ногу на ноге, и всё, что в ней было, придавало её позе максимальную концентрацию и серьёзность. Однако этот взгляд, который Том так старался уловить, говорил о чём-то другом – о заинтересованности, интриге, каком-то пошлом замысле. Она практически не улыбалась, лишь иногда водила уголками темно-красных губ, видимо, замечая очарованность Тома.

В ходе разговора она старалась казаться серьёзной, однако же мелкие смешки выдавали её актерскую игру. Но Тому это нравилось – он пытался играть с ней, разводить на разные темы, хотя и не преследовал желаний избежать заданного вектора разговора, с которым она, как показалось сначала, пришла сюда. Она задавала ему вопросы о детстве, о матери, которую Том давным-давно забыл, о друзьях, отношениях с другими людьми, о девушках, о сексе. Сочувственно выслушивая все истории Тома, она с неподдельным интересом наблюдала за движением его тонких губ. С самого начала, озарившись её замечательностью, Томас понял, что такое счастье будет длиться недолго, и поэтому старался максимально кратко и в то же время подробно описать всю свою жизнь.

Она постоянно писала. Тому не нравилось, что собеседница лихорадочно пыталась законспектировать каждое его слово, ведь это приносило в их разговор какую-то псевдо-заинтересованность – он ощущал себя испытуемым. Но Алиса будто чуяла весь его дискомфорт и пояснила, что это всего лишь формальность, которую она должна выполнять, так как этого требует профессия.

– Спасибо тебе большое, Том, – сказала она, обозначая, что время беседы подходит к концу. – Мне было очень приятно с тобой работать, и я надеюсь, что мы ещё увидимся. К сожалению, мы не сможем постоянно видеться здесь, так как я лишь учусь, мне просто не позволят ежедневно работать с тобой. Но если ты проявишь желание, мы можем видеться в неформальной обстановке.

После сказанных слов она опустила взгляд, сняла очки и проговорила:

– Я бы хотела помочь тебе.

Том был ошарашен признанием, и с этого момента чувствовал себя оскорблённым, неоправданно нуждающимся в какой-то помощи. Очередное разочарование, а ведь всё так замечательно прошло. Впрочем, стандартная ситуация.

– Что значит помочь? У меня нет никаких проблем!

Он резко подскочил, вскинув руки перед собой.

– Господи, я думал, что вы поняли, к чему я вас весь разговор вёл. Я надеялся, что хоть вы не станете, ровно как и остальные овощи, читать мне вспомогательные лекции, о поиске ориентиров в жизни, о расстановке приоритетов и так далее. Я доверился вам, я рассказал, почему я такой, но ничего менять не собираюсь...

Она его прервала:

– Ты неправильно меня понял! – Спокойно, но с давлением сказала она. – Успокойся, присядь.

Том, заметно кипя, мгновение раздумывал, не решаясь ей повиноваться, однако всё же уселся перед ней.

– Не стоит принимать меня как терапевта, а разговор – как обязательную процедуру. – Алиса взяла его за руку. – Я не та, кто будет пытаться воспитать в тебе угоду людям. Просто я понимаю, что тебе нужен человек, с которым ты должен будешь говорить. Всем нам необходимо с кем-то разговаривать, и судя по тому объёму, что я сейчас узнала о тебе, ты почти ни с кем не делился этим. Я – твой новый друг.

Отпустив его, она впервые улыбнулась во весь рот. Том не смог остановить уход всей злости и наблюдал, как она меняет его настрой. Она была бесподобна.

– Когда ты хочешь увидеться в следующий раз?

Том недолго думая ответил:

– Хоть завтра.

Алиса внимательно на него посмотрела, улыбнулась и протянула руку за своей сумкой. Затем она достала оттуда небольшой блокнот, из которого на ковёр высыпалась куча визиток. Девушка тут же бросилась собирать их. Том не стал ожидать просьбы и решил помочь ей к ней.

– Вот сюда. – Алиса раскрыла блокнот на определённой странице, куда Том аккуратно сложил всё собранное. – Одну можешь оставить себе.

Томас молчал, как влюблённый мальчишка, впервые увидевший свою пассию так рядом, так близко. Безусловно, он понимал, насколько очевидны его эмоции по отношению к ней, но он и не хотел ничего от неё укрывать. Он поймал взгляд её карих глаз на себе и молчал, просто молчал. Алиса тоже некоторое время не говорила ни слова, пялясь на парня, слегка приоткрыв рот. Затем, опомнившись, она протянула ему свою руку.

– Было приятно познакомиться. Звони, как решишься на встречу, мы всё обсудим.

Том медленно взял мягкую теплую ладошку и нежно сжал.

– И мне, мисс Дойл.

– Миссис, – улыбаясь, поправила его Алиса.

Том проводил её взглядом до двери затем рухнул в кресло. Недоумевая, что он натворил, впоследствии не мог найти себе места. Масштаб произошедшего был просто невообразим. Мало того, что Том впервые в жизни предстал таким открытым перед незнакомым человеком, так он ещё наивно предположил о возможности обоюдных чувств с этой девицей. Это было фиаско. Последняя фраза выдала все его намерения миссис Дойл, и теперь ни одна сила не заставит Тома показаться перед ней. Концентрация стыда в его голове наполнила щёки краснотой. Когда в кабинет вошёл директор, Том тут же встрепенулся, оправил рубашку и вылетел из кабинета.

В течении нескольких дней его мучало чувство вины. Тома бросало из крайности в крайность, он то настраивался на звонок с последующими извинениями, то забивался подальше от телефона. Но её слова, о том, что является его другом, и ей можно доверять.. Он говорил с ней обо всём, пускай вкратце..

Никогда ранее Томас не наблюдал за собой столь огромного внимания к другому человеку. Он не мог ни минуты побыть наедине с собой, не подумав о ней. Но раз за разом появлялись противоречия самому себе, заставляя остановиться на моментах слишком сильного разгона в её сторону.

Наконец, взвесив всё окончательно и тут же забыв обо всём, Том решил позвонить. Набирая телефон, его не волновал итог разговора – было плевать, будет ли он точкой в их отношениях, либо же окажется предисловием их новой встречи. Его эго желало лишь услышать этот голос.

Гудки.

Только гудки. Затем убийственный автоответчик. Том молчал. Не ожидая именно такого исхода, он чувствовал гнев. Где она?

Положив трубку, Томас кинулся на диван. Направив взгляд в потолок, он пытался освободить голову от фрустрации, но в очередной раз ничего не вышло. Затем он повернул голову к столу – на ней лежала визитка, с её именем, телефоном и адресом. Схватив драгоценный клочок бумаги, Том засунул его в карман джинсов и вышел из дома.

Глава 6

– Тут остановишься или заедем? – спросил Марвин у напарника.
Том взглянул в окно, пробуждая в себе всё новые и новые воспоминания.

Томас ехал довольно долго. Как только он начинал сомневаться в собственной задумке, сразу же вспоминал о её глазах. Его не волновало ни отсутствие Алисы, ни возможное присутствие её мужа.

Его не очень радовал этот опыт – он никогда не думал, что кто-то может так быстро войти в доверие к нему. Это была не просто встреча – Алиса успела стать для него какой-то исключительной категорией людей, не вписывающейся ни в одну из ныне узнаваемых. До встречи с ней он относился к людям иначе, этот опыт расположил его ближе к каждому встречному, пускай и не намного, но какова вероятность встретить подобного человека просто на улице? Хотя врятли такой уникам где-то ещё мог быть им обнаружен. Она была богоподобной, не похожей ни на кого. Эта мысль помогала Тому вернуться к прежнему, более привычному отношению к людям.

Когда автомобиль подъехал к месту назначения, глазам Тома предстал огромный участок, огражденный высоким забором, с полноценной аллеей, фонтанами, топиарами и кустарниками. По окончанию центральной дорожки можно было рассмотреть огромный серый дом с красной черепицей. Заплатив за такси, Том, не разглядывая ничего, кроме асфальта пред ним, проследовал до входных ворот. За оградой он заметил человека – как оказалось, швейцара. Попытавшись разузнать у мужчины, на месте ли хозяева, Томас получил встречный вопрос.

– Любезный, извините меня за грубость, но по какому поводу вы интересуетесь?

– Простите, – опомнился Том. – Меня зовут Том Поулсон, миссис Дойл передала мне визитку с её номером и адресом, я долго не мог до неё дозвониться и решил, что наилучшим выходом будет приехать сюда. Мне нужно с ней срочно увидеться.

– Вы сказали визитку? – переспросил человек, внимательно выслушав Тома. – Можно ли мне взглянуть на неё?

– Да, конечно, – слегка затормозив, ответил парень и достал из кармана небрежно скомканную бумажку.

– Странно, миссис Дойл не ведёт никакие приемы. Где вы её нашли..

– Там её подпись!.. – заторопившись, добавил Том.

– Погодите, как вы сказали вас зовут?

– Томас. Поулсон.

– А-а-а, я припоминаю. – Том едва не закатил глаза. – Хозяйка сообщила о вашем возможном приезде. Извините меня пожалуйста, мистер Поулсон, старость подводит. Проходите.

Швейцар открыл перед Томом огромные железные ворота, позволяя войти на территорию. Быстрыми шагами они дошли до огромного дома, двери которого также быстро были распахнуты перед парнем.

Не заходя в дом, швейцар предупредил:

– Миссис Дойл у себя в кабинете. И пожалуйста, снимите обувь. – Швейцар указал на небольшую полку для домашних тапочек, которые, видимо, предназначались для гостей. – Она очень любит чистоту.

Не сказав больше ни слова, швейцар закрыл дверь, оставшись снаружи. Опешив от такой быстрой инструкции, Том не успел спросить, где кабинет миссис Дойл. Разувшись и надев мягкие тапки, Томас ступил на твердый пол холла.

Дом был очень объёмный, в несколько этажей. Высокий потолок, гравированные стены, дорогая отделка и мебель. Всюду предметы культуры и искусства – небольшие композиционные натюрморты на каждой тумбе, расписные вазы со свежими цветами, масштабные картины с изображениями неизвестных Томасу людей, контрастирующие красочные и блеклые пейзажи, искусно выделанные статуи из гранита и бронзы. Громадные люстры хрустала занимали серьёзное пространство у потолка, зависая высоко над головой посетителей дома.

Холл оканчивался перед двумя огромными дверьми, занимающими единственный проход. Том долго не решался брать за их тяжёлые ручки, однако, любопытство взяло верх – распахнув двери, он оказался в плохо освещённом центральном помещении дома. Круглая зала с каменным полом, стены которого обвивала большая лестница, ведущая на верхние этажи. Высота помещения была в не один десяток метров, у самой крыши – прозрачный купол, позволяющий любоваться небом – единственное, что освещает его. Перед Томом было несколько дверей, одни из которых были в подобии тех, что раскрыли пред гостем эту залу, и путь наверх по лестнице, однако, обомлев от такой красоты, он не захотел идти никуда, кроме дверей напротив. Ещё раз с усилием раскрыв эти массивные “ставни”, Том попал в ещё более широкую столовую. Яркий свет заливал её с двух сторон, где по паре находились широчайшие окна, будто из королевского дворца. Края столовой во всю длину соединял огромный дубовый стол, накрытый золотисто-белой скатертью, поверх которой находился не один столовый сервиз, наверняка из очередной дворцовой коллекции.

Колонны, подобные греческим, удерживали стены, словно колоссы небо. Над столом повисла огромнейшая люстра, сверкающая от попавшего в помещение света.

Засмотревшись наверх, Том не заметил еле слышные шаги у себя за спиной.

– Тебе нравится? – спросил так хорошо знакомый женский голос.

От этого звука Томас почувствовал дрожь в коленях. Эта тональность – то, чего он так долго ждал. Развернувшись на ватных ногах, парень искал глазами её образ.

Она стояла на лестнице, опираясь одной рукой на перила, а другой придерживая бокал. Одета в какое-то чёрное полотно, полностью укрывающее её, с плеч до пят. Лицо было плохо видно, так как она смотрела сверху вниз, волосы не позволяли увидеть её глаза.

Однако их сверкание вскоре было замечено Томом.

– Эм, – растянув миму сомнения и стыда по лицу, ответил он и тут же опомнился, заминаясь, – здравствуйте, простите за моё вторжение.. Вы не брали телефон, и я решил, что стоит приехать.

Он чувствовал “*déjà vu*” от прошлого неудачного обращения.

– Ничего страшного, я всего лишь хотела узнать, насколько ты предсказуем, – она опять сверкнула глазами, засветив ещё и свою ухмылку.

– Я действительно неловко себя чувствую.. – Том тупил взгляд в пол. – И эти тапочки..

– У нас есть полтора часа до ужина – пройдемся наверх, – игнорируя предыдущую фразу, сказала Алиса.

Остановившись у машины «скорой», детективы вышли из «Мерседеса», перекинулись взглядами с постовыми, что прижались к воротам, прячась от дождя, и вошли на территорию.

– Расскажи всё сначала, – сиплым голосом попросил Томас.

– В четвёртый раз?

– Да-да!

– Что с тобой, Том? – Додсон остановился, не обращая внимания на ливень.

Том взглянул на него – Вин ничего не должен знать – и прошёл дальше к дому. На улице темнело.

Цель была проста – первичный осмотр места преступления. Но сможет ли он не выдать своего отношения к произошедшему?

– Примерно в четверть пятого нам позвонил неизвестный, не представился, заявил об убийстве, выдав этот адрес. Отследив телефон, мы выяснили, место, откуда звонил неизвестный и тот адрес, что он указал – совпадают. Звонивший не указал в точности, что произошло, бормотал что-то про убийство, просил скорее приехать и бросил трубку. Оператор сказала, что он говорил подобно испуганному, ничего непонимающему человеку. «Слишком экспрессивно», – Марвин сделал на этом акцент. – Место – фамильный особняк Дойл, владельцем которого является сорокалетняя миссис Алисия Анна Дойл. В пять сюда приехали медики в сопровождении наряда и обнаружили два трупа..

«Сообщение об убийстве одно – трупа два..»

Внезапно Додсона перебил ожидающий у входа в дом судмедэксперт.

– В числе которых хозяйка дома, миссис Дойл, а также неизвестное доселе лицо. Очень рад вновь видеть вас, пускай и в такой обстановке, мистер Поулсон. Мистер Додсон, простите меня, не удержался, – с хитрой улыбкой извинился перед Марвином худощавый и сутулый, но высокий мужчина, лет шестидесяти от роду, с зияющей лысиной на голове и тусклых затёртых очках. Это был Гордон Тодд, медэксперт, с которым оба детектива часто сталкивались. Опытнейший в сфере своих «услуг» человек. – Господа, пока мы вас тут долго и томительно ожидали, я опять же извиняюсь, бегло осмотрел убитых, и...

– Не стоит, Гордон, – Додсон жёстко потрепал его по плечу и прошёл мимо. – Мы вернёмся к тебе, как закончим.

Но Том остановился у двери:

– Следов взлома нет. Надеюсь, вы уже успели стянуть отпечатки, на всякий случай – на улице дождь.

– Э-эм... – Гордон завис в недоумевающем выражении лица.

– Здравствуйте, мистер Тодд, – хладнокровно и апатично поприветствовал старого знакомого Поулсон, о котором на мгновение заинтересованности двери забыл.

– Ты слышал? Быстрее! – Прикрикнул Марвин на одного из копов, что находились в холле. – Аккуратно, тут следы.

Перед входом Том вспомнил обычай и традицию этого дома – всегда разуваться. Никто из полицейских не разувался, и, дабы не выдать себя, Томас тоже не стал, а лишь взглянул на стоящие у входа две тумбы для обуви – одна закрытая, для хозяев, и другая, открытая, для гостей. Томас нагнулся и аккуратно раскрыл обе.

– Да, кстати, я тоже заметил. – Сказал вдруг Марвин. – Хозяйка, видимо, любила чистоту. Кто это так хорошо наследил – выясняем.

Том вошёл в холл.

Хорошо знакомое помещение вновь будило в Томасе воспоминания. Он остановился и закрыл глаза. Марвин прошёл несколько шагов к центральной зале, затем обернулся, и, заметив как напарник стоит с закрытыми глазами, недоумевая, спросил:

– Том?

Поулсон открыл глаза, посмотрел на Марвина и прошёл за ним.

Пройдя за спутницей на второй этаж, Том попал в небольшой коридор, путь которого вёл к дверям, выводящим к гостиной комнате. Просторное помещение умещало в себе большой камин с рядом стоящими креслами, а по бокам, у окон, находились роскошные диваны, которые стояли попарно, окружая вместившиеся меж них стеклянные столики. Два огромных плазменных телевизора висели друг напротив друга по обе стороны гостиной. Один из них

работал, и Алиса, зайдя в комнату, выключила его. Поставив бокал на стекло стола, она грубо приказала Тому:

– Садись здесь. – Её тон походил на обращение к провинившемуся питомцу.

Полусон молча повинился, приземлившись на мягкие подушки дивана, ближе к окнам, которые Алиса тут же зашторила. В комнате стало совсем темно. Затем девушка подошла к каждому углу и аккуратно разожгла вмонтированные в царские подсвечники восковые цилиндры. После всего приготовления, миссис Дойл вышла из гостиной, громко хлопнув дверьми и не сказав ни слова.

В комнате необычно пахло. Томаса очень расслабила эта обстановка. Атмосфера сильной затенённости пространства вдруг напоминала ему безопасность, которую он чувствовал в далёком детстве, когда, будучи мальчишкой, он прятался под одеялом от собственных ночных кошмаров. Постепенно освобождая себя от напряжения, появившегося с самого начала приезда, Том не заметил, как заснул, однако внезапно появившаяся Алиса не дала ему полностью придаться покою, громко назвав его имя:

– Том!

Парень очнулся на том же самом диване. Неизвестно было, сколько времени прошло с тех пор, как он закрыл глаза.

– Простите, я..

– Ничего страшного. – Она разговаривала уже мягким голосом. – Если ты не против, давай начнём.

Томас не сразу заметил, что Алиса переоделась – на ней были чёрные леггинсы, и непонятного из-за темноты в комнате цвета топ, оголяющий её изящные, особенно в свете огня, ключицы и плечи. Волосы на голове были собраны в длинный пучок, у лба же по бокам свисали пряди волос. Сама Алиса была сосредоточена на бумаге, закреплённой в папке, от которой быстро оторвалась, заметив окончательное пробуждение собеседника.

– Да, да, конечно.

– Итак, на чём мы остановились в нашей прошлой беседе? – Алиса отложила папку на стол, опёрлась на руки, установив их у края дивана, и всем телом выпала вперёд, сжимая плечи. Она слишком живо манипулировала своими тёмными губами, то и дело прикусывая или поправляя их языком. Тому всё это отчасти доставляло дискомфорт, однако, постепенно, он всё раскрепощённое и свободнее смотрел на неё.

– Я рассказывал вам про Небраску, – стараясь время от времени отрываться от неё, сказал Том.

Алиса естественно заметила попытки собеседника избежать зрительного контакта и ещё сильнее пододвинулась вперёд, расставив ноги из положения друг на друге на пол.

– Том, посмотри на меня, – сказала она нежно-нежно.

Парень невольно устремил взгляд сначала на кисть Алисы, затем на плечи, на пряди волос, на брови и затем остановился на глазах девушки.

– Ты должен расслабиться. Ты думаешь я не вижу, какое напряжение сейчас внутри тебя?

Она вдруг резко встала и начала обходить столик, который находился между ними. Том волей-неволей ещё больше напрягся. Алиса продолжала:

– Я не хочу, чтобы разговоры со мной оставили на тебе отрицательный отпечаток.

Она обошла диван, в который Томас вжался, защищаясь от откровенности разговора. Однако Алиса действительно перегибала все палки – оказавшись за спиной у Тома, девушка нежно схватила его за плечи и наклонилась к его уху, дабы он мог слышать её шёпот:

– Успокойся, дыши ровно, ты должен расслабиться.

Том не мог успокоить своё сердце. Что происходит? Тело сводило от напряжения. Его температура повышалась, перенимая тепло от перегоняемой по сосудам крови.

Что вообще всё это значит? Замужняя, богатая, интеллигентная девушка, намного старше него, творит такое. Какой в этом скрыт замысел? Но как можно вообще заставить себя думать и отвлечься от того, что происходит?

– Для меня очень важно то, что ты чувствуешь, особенно в данный момент.

Алиса перешла на полный шёпот, от которого Том то и дело вздрагивал. Собеседница начала активно массировать его плечи, плавно передвигаясь от трапеций к шее и остановившись на ушах.

– Просто не сопротивляйся, и всё будет хорошо.

Что произойдёт, если он откажется терпеть всё это, просто встанет и уйдёт? Что она предпримет, если соблазненный откажется ото всего происходящего?

Том почувствовал тепло её дыхания у уха. Их ритм был нестабильный, переменный, но очень ёмкий и продолжительный.

Внезапно, что-то тёплое и мокрое прошлось по мочке его уха. Настолько чувствительным Том себя никогда не ощущал. От этого внутри всё сжалось, не оставляя шанса на совладание собой. Он хотел её. Независимо от условий, и не смотря на то, что в собственных мыслях Том прикидывал, чем будет насыщен их секс, нынешнее желание никак не могло сравниться с прошлым. Алиса лизнула его вновь, но теперь уже шею, затем очень-очень нежно поцеловала его, присасываясь губами к коже.

Том всё ещё не мог позволить себе прикоснуться к ней. Он ощущал её доминирование над собой, и не мог ему супротивиться. Решив терпеть всё, что захочет девушка, он наконец расслабил плечи, что позволило чувствительной Алисе определить «готовность» своего подопечного.

Она оторвалась от его шеи, медленными шагами обошла диван, и, остановившись напротив Томаса, приземлилась ему на колени. Обхватив его щеки влажными ладонями, Алиса подняла голову Тома так, что их взгляды находились напротив друг друга. Он видел в ней идеал – она же видела в его глазах пустоту, но в то же время чувствовала и желание. Напрягая скулы, Алиса приблизилась к нему, и слегка коснулась мягкими губами поверхности его щеки. После этого, встав поперёк вектору направления его взгляда, примкнула к губам Тома, создавая полный унисон их дыхания. Прервавшись на секунду, Алиса встревоженно и возбуждённо приказала:

– Касайся меня, это необходимо.

Неизвестно, сколько времени прошло между её последней фразой и реакцией Томаса, но по истечению этого момента Том ответил, уводя взгляд:

– Извините, я не могу.

Он сказал это с дрожью в голосе и сильным сожалением в голове, и по виду Алисы понял, что совершил невероятного масштаба ошибку, больше, чем он сам ожидал. Девушка отпрянула от него, нахмурила свои аккуратные брови и вопросительно посмотрела в сторону. Затем встала, и, всё также всматриваясь в стену, остановилась у края дивана. Через несколько мгновений раздумий она решила выйти из комнаты. Том остался наедине с собой.

– Чёрт! – Он со всей силы пнул столик, на сотни осколков разбивая все два уровня полотна в основании конструкции.

Какую ошибку он совершил. Неужели он должен был повиноваться её словам? Разве это правильно? Он поступил так, как считал нужным! Разве за этим он сюда явился? Не за пониманием, а за сексом, и эта ненормальная была поставлена на место его отказом. Даже если допустить его восхищение, разве со стороны Алисы это было чувствами? Плевать на её идеальность, так делать нельзя! Но, всё таки, почему тогда он позволил ей поцеловать себя?

Разрывающая Тома тишина сомнений исчезла, когда в комнату вернулась Алиса.

У центральной залы дома стоял офицер, одним из первых приехавший на место преступления. Том поздоровался с ним и взял файлы краткой описи произошедшего, последовательно выслушивая речь напарника:

– Сразу скажу, в доме парни задержали вызвавшего, как выяснилось, нас человека, и по первому впечатлению, он виноват во всех убийствах. Прямо перед приездом наших ребят, в комнате с трупами он попытался устроить пожар, чёрт, как его зовут-то?

– Он сказал Карл, мы проверяем, – ответил офицер.

– Тела пострадали? Пожар потушили?

– Тела нет, с пожаром мы быстро справились – сгорели пара стеллажей.

– Да, это нам много дерьма оставляет. Значит, Карла мы повязали, сейчас сидит у Райана в машине, отвозить в штаб не торопимся, нужно везти его сразу на освидетельствование. Ты ведь заметил полки у входа, одна из пар обуви – убитого. Следы в коридоре, здесь, на лестнице – скорее всего этого Карла. Он был в обуви, всю грязь развёл он – иной тут не нашли, поэтому больше нечего рассматривать.

– Задержанный вёл себя не совсем адекватно..

– Что это значит? – спросил Том.

– Постоянно что-то бормотал, говорил на непонятном языке, не знаю, имеем ли мы дело с наркоманом. Тодд сказал, что у него аффект, поэтому мы ждём вашего приказа.

– Нет. Пока я не осмотрю тут всё, никуда его не увозить.

– Том, времени мало, с момента произошедшего уже идёт третий час..

Том молча читал кратко составленный отчёт.

– На этаж вы заходили втроём? – игнорируя замечание Марвина, спросил Том

– Да, как связали его, сразу ушли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.